ТАНК НА КОЛЕСАХ

СОЛДАТ УДАЧИ

№ 4 (139)
апрель 2006

ОСОБЕННОСТИ ПОЛЕТОВ В ЧЕЧЕНСКИХ ГОРАХ

КОМАНДИРСКАЯ «ДОЗА»

«ЧТОБЫ СРАЖАТЬСЯ КАК ЗВЕРЬ И УМЕРЕТЬ КАК ЧЕЛОВЕК...»

СОЛДАТ УДАЧИ
ЖУРНАЛ ДЛЯ СИЛЬНЫХ И ЖЕСТКИХ МУЖЧИН

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Олег УТИКЕЕВ, Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(095) 958-1699,
(095) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Солдат удачи» (Россия)

Подписано в печать 14. 03. 06

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ,
свидетельство ПИ № 77 - 5801 от 20. 11. 2000

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати
26319 по Объединенному каталогу
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
Дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ИПП «Кострома»
Заказ №627
Тираж 42 тыс. экз. 1-й завод - 21 тыс.

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

К сведению авторов!
Редакция не имеет возможности рецензировать получаемые материалы.
Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в машинописном виде или на дискете в форматах Word, Lexicon.

Михаил ЕФИМОВ

Как победить «дедовщину»?

А действительно, как ее победить? По рассуждениям некоторых военных умов приходит она к нам, почитай, еще из детского сада и уходить, судя по всему, не собирается.

Смею утверждать: в начале 70-х годов прошлого века, когда мне пришлось начинать свою военную службу солдатом, «дедовщина» уже была. Мой старший брат, который служил на Северном флоте на двенадцать лет раньше меня, тоже рассказывал о похождениях «дедов» и «салаг». А ужасный случай, произошедший в Челябинском танковом училище с рядовым Андреем Сычевым, лишь доказывает – «дедовщина» по-прежнему жива. Более того, за последние десятилетия она обрела поистине дикие «гестаповские» методы и нередко опыты «стариков» стоят здоровья, а то и жизни молодым солдатам.

Выходит, зараза эта столь живуча, что и бороться с нею бесполезно. Ведь боролись же с «дедовщиной» в армии и на флоте в 1970-е и в 1980–1990-е годы, борются и сейчас, а она только крепчает. Так ведь? Нет, не так.

Чтобы обосновать свое утверждение, которое явно противоречит предыдущим размышлениям, буду опираться только на собственный опыт службы в армии – солдатом, курсантом, офицером. То есть говорить только то, что я доподлинно знаю, что прочувствовал на собственной шкуре, потрогал своими руками.

Итак, первое, о чем бы хотелось сказать. Начнем с того, что «дедовщина» «дедовщине» рознь. В пору моей «солдатчины», как я уже сказал, тридцать четыре года назад, «дедовщина» тоже была не сахар. Мыл ли я пол за «стариков»? Мыл. Убирал ли за них территорию? Убирал. А еще должен был назубок знать, сколько «дедам» осталось дней до дембеля, а также сколько съесть метров селедки, выпить литров компота. Унижало ли это достоинство и честь молодых солдат? Безусловно, унижало.

Позже, в середине 1990-х, уже будучи офицером, я был включен в одну из комиссий Минобороны. Мы разбирались с диким случаем «дедовщины»: когда старослужащие солдаты подобно гестаповцам били младших по призыву, а когда те теряли сознание, их обливали водой и били дальше.

Скажу откровенно – я был потрясен зверством казарменных (нет не хулиганов), а настоящих бандитов. И мои метры селедки, и литры компота показались некой детской наивной игрой.

Понимаю, не все со мной согласятся. Любое унижение человеческого достоинства – противозаконно. Верно. Кто же спорит. Вопрос только в том, как этот закон внедрить ночью в казарму? И тем не менее пути внедрения есть.

Сегодня после случая с рядовым Сычевым, когда не высказал свое просвещенное мнение разве что сверхленивый, предлагается создать военную полицию, службу военных священников, укрепить воспитательные структуры.

Воспитательные структуры давно надо прекратить сокращать, оптимизировать и реформировать. Действительно, пора уже их возрождать и укреплять. Вдумчиво и терпеливо работать над развертыванием службы военных священников.

К созданию полиции отношусь отрицательно. Как бы нам не создать службу, которая на «законных» основаниях будет лупить наших сыновей похлеще «стариков».

Все это, право же, важно. И работать над этим надо. Однако, на мой взгляд, начинать следует с другого, самого главного. Подчеркиваю, это мое личное мнение.

Ныне казарма осиротела. Она, как корабль, без руля и без ветрил. Надо вернуть на этот утлый корабль капитана и его команду. То есть – ротного, его заместителя, командиров взводов. Иными словами – офицеров. Ибо сегодня физически они вроде и присутствуют в казарме, но казарму (а это их второй дом) не любят, а порой и просто ненавидят, боятся.

В мои солдатские годы офицер был уже рано на подъеме и покидал казарму после вечерней поверки. И он не просто присутствовал, а работал – обучал солдат, изучал, если хотите, лез к ним в душу. Помню, как наш замполит хотел знать все – и как зовут мою девушку и пишет ли она мне письма (и какие письма), и как чувствует себя мой отец-фронтовик. Порой это даже раздражало. Но как спасало от выплеска эмоций, от необдуманных поступков.

Так что вернуть офицера в казарму – задача всех задач. Вы спросите, откуда вернуть? Отвечаю. Из казино, где он по ночам открывает двери новым русским, из складских сторожек, от шлагбаумов на стоянках иномарок. Как вернуть? Заплатить ему наконец достойную зарплату (и не на словах, а на деле), чтобы он не думал, как прокормить семью.

Это первое, как мы уже сказали. И второе – в ту же казарму вернуть прапорщика – настоящего старшину роты, а также начать создание института сержантов-контрактников. Кстати, это опять будет стоить денег. Но надо выбирать – либо деньги, либо жизни наших детей.

И, наконец, третье. Надо отойти от дурной привычки. Делать эту тяжелую и долгую работу надо не напоказ, не под камеры телевидения, не для пиара, а для будущего армии, для будущего страны.

Издается с октября 1994 года
СОЛДАТ УДАЧИ
№ 4 (139) апрель 2006

в номере:

Журнал тех, чья работа – защищать

Фото Виталия АНЬКОВА

ПОГОВОРИМ, ЧИТАТЕЛЬ

«Нам достались горечь и печаль...»

стр. 32

Вряд ли стоит кому-то объяснять, что предательство разведчика практически всегда влечет за собой тяжелые последствия. Так было и с Резуном. Более десятка сотрудников ГРУ срочно отозвали на Родину (к счастью, вовремя), все оперативные связи законсервировали. Работа женевской резидентуры, по сути, была парализована. За предательство и измену Родине Резуна приговорили заочно к смертной казни.

ПРОБЛЕМА

Сержантский ренессанс

Василий ХОРЕШКО

стр. 34

– Не пускают – чтобы ничего не растащили, – просветили меня офицеры. – Туда завезли мебель, стиральные машины, светильники. Понятно, для чего затевается весь этот маскарад – чтобы завлечь как можно больше контрактников. Кому морочим голову? Самим себе! Мы готовы хоть сейчас поменять свою офицерскую конуру – 6 на 6 м, где живем всемером, – на их хоромы. У них и душ есть, а мы из чайничка обливаемся…

ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Пригодится ли «боевое метание»

Геннадий КАЗАЧКОВ

стр. 39

Психологическая готовность к убийству человека является одним из главнейших условий ножевого боя. Я видел достаточно хороших спортсменов, которые не в состоянии были вне ринга выйти за рамки правил и встретить неограниченную агрессию. На моих глазах мастера спорта по боксу отправлялись в нокаут от ударов людей, не имеющих даже 3-го юношеского по домино.

ТЕХНИКА ДЛЯ БОЯ

Танк на колесах

Игорь МИХАЙЛОВ

стр. 42

БТР-90 оснащен многотопливным турбодизелем А-58 челябинского производства мощностью 510 л.с., который заимствован у боевой машины десанта БМД-3. Двигатель «всеяден»: он одинаково резв, и когда в баках залита солярка, и когда в трубопроводах течет керосин, и когда его нечем заправить кроме как бензином.

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АРМИЙ МИРА

Жестокий отбор

Владимир МОСАЛЁВ, Вадим УШАКОВ

стр. 45

Отряд UOE был сформирован в 1952 году как штурмовая амфибийная рота, полностью состоящая из добровольцев и предназначенная для внезапных ударов в первых бросках морских десантов при захвате любых береговых целей. Отряд специализируется в проведении боевых действий против сильно укрепленных объектов системы береговой обороны и захвата территориально труднодоступных целей.

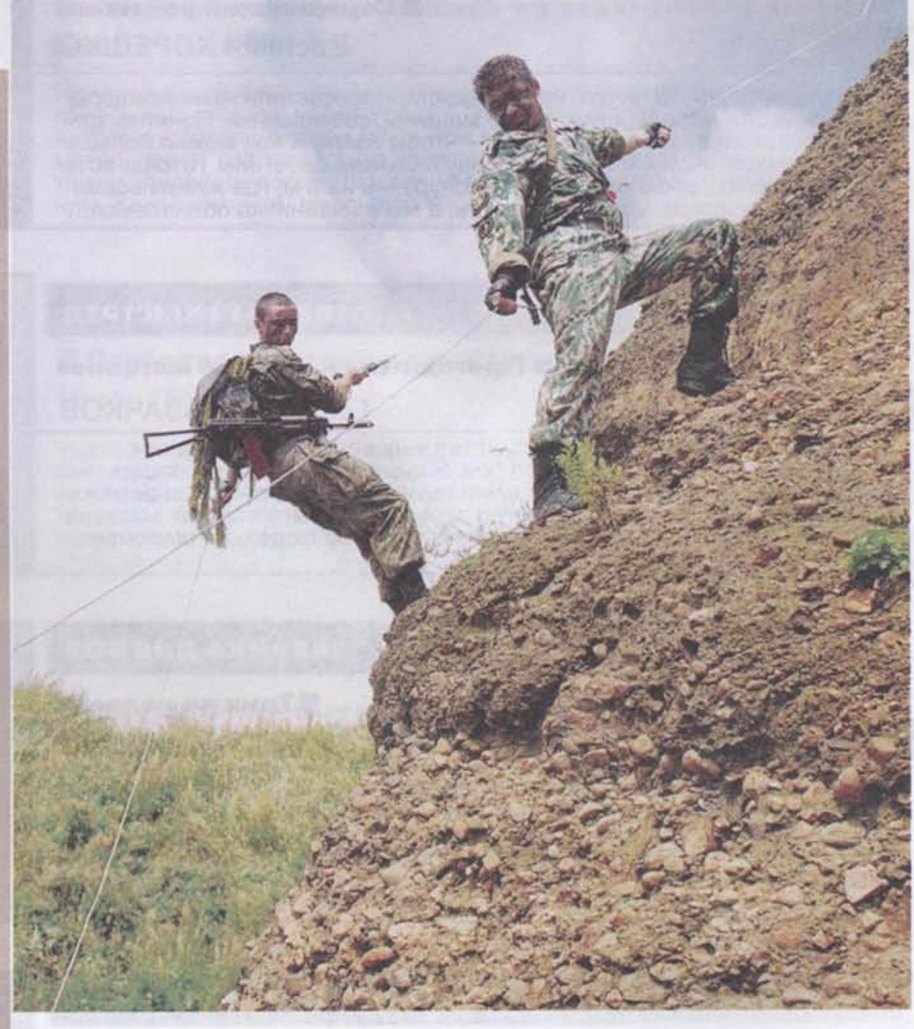

ГОРЫ ОШИБОК НЕ ПРОЩАЮТ

(Продолжение. Начало в № 3)

Павел РОТОТАЕВ
Рисунки автора

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ПО ГОРНЫМ ДОРОГАМ И ТРОПАМ

В учебный период и в боевых условиях разведчику приходится передвигаться по горным дорогам и тропам, которые пересекают хребты в предгорьях и в невысоких горах, а также идут по ущельям в высокогорной зоне. Тропы могут встретиться и на значительной высоте; они появляются в результате систематического хождения местных жителей через перевалы к местам заготовки дров, сена и к пастбищам скота. Эти тропы достаточно удобны для движения людей. Тропы, проделанные животными, менее удобны: они круты и узки, движение по ним требует большого внимания и напряжения.

Горные тропы любого характера и происхождения проходят по травянистым, поросшим кустарником и лесом или покрытым осыпями и моренами склонам. Скорость передвижения по ним зависит от крутизны склона, наличия сложных участков, характера данной тропы (засоренность ее и вышележащих склонов камнями, снегом, пересечение реками или ручьями) и метеорологических условий.

Основное правило хождения по горным тропам – выбор места для горизонтальной постановки ноги на полную ступню. В случае засоренности тропы мелкой осыпью или отдельными камнями нужно избегать постановки ног на ненадежно лежащие камни. Шаг при движении по тропам должен быть средним и равномерным. Наиболее целесообразно сохранять один и тот же темп, а нагрузку регулировать размером шага, – удлиняя или укорачивая его. Поэтому нужно устанавливать между солдатами точную дистанцию, величина которой будет зависеть от крутизны склонов. Это необходимо потому, что по мере увеличения крутизны склона каждый из идущих будет наклонять корпус вперед, стремясь сохранить равновесие, вследствие чего может произойти столкновение с идущим впереди, что выводит людей из равновесия и создает напряженную, нервирующую обстановку.

Если позволит выполняемая задача и обстановка, то лучше устанавливать большую дистанцию между идущими. Темп движения при этом нужно взять такой, чтобы не нарушалось нормальное дыхание. Правильность выбранного темпа проверяется путем прослушивания пульса на остановках.

На крутых участках склонов целе-

сообразно делать частые остановки для восстановления нормального дыхания. В пути важна не абсолютная величина пульса, а то, как быстро он достигает нормы на остановках (через 3–5 минут пульс должен быть близким к нормальному).

Все вышесказанное относится к движению в хороших метеорологических условиях, но как только пройдет дождь или выпадет снег, а особенно, если после этого ударит мороз, трудности движения по таким путям увеличиваются, темп движения сильно уменьшается, возрастает опасность срыва.

Тропы после дождя становятся мокрыми, по ним устремляются потоки воды, ноги скользят. Дыхание идущих нарушается из-за неравномерности движения. Такое передвижение быстро приводит к усталости.

По мокрой тропе нужно идти на разомкнутых дистанциях, очень осторожно, применяя необходимые меры страховки. Серьезные меры предосторожности должны быть приняты в период прохождения заснеженных или обледенелых троп. Особое внимание обращается на выбор и подготовку места для постановки ноги. При прохождении скользких или заснеженных троп нужно переносить вес своего тела на очередную ногу только тогда, когда она прочно установлена на земле.

На крутых и опасных местах тропы целесообразно организовывать массовую страховку в виде перил, которые делаются из веревки, укрепленной на скальных выступах, за крючья или ледорубы. На менее опасных участках можно передвигаться, придерживаясь рукой за веревку перил. Если же участок пути опасен и в случае скольжения разведчик может упасть со склона, тогда все разведчики прикрепляются передвижной петлей или карабином к веревке перил. В местах, где необходимо перецеплять карабин или петлю, должен находиться один из разведчиков, который помогает идущему выполнять эту операцию.

Для разведчиков, не имеющих опыта передвижения по горному рельефу, перила будут оказывать и моральную поддержку.

Передвижение по тропам с вьючными животными требует еще большей осторожности и внимания. На сложных, но проходимых участках животных нужно пустить свободно, без понуканий. При таком передвижении не рекомендуется людям и животным идти совместно.

Сложность и опасность движения по крутым, мокрым и заснеженным горным тропам не останавливали солдат и офицеров Советской Армии в дни Великой Отечественной войны.

Характерен следующий боевой пример, относящийся к периоду боев наших войск на Карпатах.

Батальон капитана Дзюбы получил задачу – обойти село, занятое противником, с тыла напасть на него, разгромить гарнизон противника и открыть путь нашим наступающим войскам.

...На рассвете батальон снялся с привала и по нехоженой, неизвестной тропе двинулся через горы в обход села.

Шел мелкий дождь, сменявшийся мокрым снегом. Горы, полузакрытые пеленой дождя, с чернеющими вдали лесами поднимались справа и слева от тропы почти отвесно.

Батальону предстояло подняться на тысячу метров в гору, пройти по ее гребню около трех километров и спуститься вниз, чтобы выйти западнее села. Этот как будто небольшой маневр здесь, в горах, требовал от людей огромного напряжения сил и воли. Солдаты шли по узкой, занесенной снегом обледенелой тропе, рискуя ежеминутно сорваться.

Они проваливались, попадая в глубокий снег, скользили, падая на склоне. Мокрый снег слепил глаза.

Капитан Дзюба, шедший в середине, видел, как тяжело солдатам. У него самого ломило под коленями, ощущалась острая боль в икрах.

...Подъем становится все круче и круче, и вот тропа оборвалась у отвесной скалы. Первым вверх полез солдат Клименко. Он то поднимался на несколько метров вверх, то скатывался вниз вместе со снегом. Необыкновенные упорство и воля помогли ему наконец достичь верхней части скалы. Здесь он прикрепил веревку и, сбросив конец ее вниз, помог подняться минометчику Ющко. Таким образом был поднят весь батальон с пулеметами, минометами и прочим имуществом.

Батальон, пройдя трудный путь по гребню, спустился с хребта и ударил с тыла по противнику, оборонявшему село. Почти весь гарнизон противника был уничтожен, батальон блестяще выполнил свою задачу.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ПО ТРАВЯНИСТЫМ СКЛОНАМ

Травянистые склоны являются преобладающими в горной зоне, а также занимают значительное место на маршрутах в высокогорной зоне. Большая часть склонов горных ущелий иногда до снеговой линии покрыта травами. При прохождении по таким склонам не требуется применения сложных технических приемов, но есть ряд общедоступных способов их преодоления, которые обеспечивают достаточную скорость передвижения.

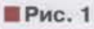

Рис. 1

Для меньшей затраты энергии и безопасности движения основное внимание должно быть уделено выбору места для ноги и правильной ее постановке.

При передвижении ногу надо выносить вперед расслабленно – это требует меньшей затраты сил и лучше обеспечивает сохранение устойчивости. Корпус необходимо держать свободно, нагибаясь вперед тем больше, чем тяжелее груз и круче склон. Командир группы, продвигаясь по травянистому склону, должен предупреждать участников о возникновении опасностей и мерах их предотвращения.

Во время движения по травянистым склонам при подъеме «в лоб» ступни ног следует ставить под углом друг к другу «елочкой». При этом угол между ступнями тем больше, чем круче склон. Шаг с увеличением крутизны склона

уменьшается, нога ставится на полную ступню, и сохраняется вертикальное положение корпуса. Для самостраховки используется ледоруб. Он удерживается обеими руками – одной за головку, а другой за древко около штычка. Оружие крепится за спину; при вероятной встрече с противником оружие может крепиться, как показано на рис. 1.

Рис. 2

В случае срыва необходимо принять такое положение, при котором было бы исключено вращение по склону при падении. Для этого нужно стараться упасть плашмя на бок или живот ногами вниз. Затем рукой, держащейся за головку ледоруба, вонзить клюв ледоруба в склон и удерживать так, нажимая на него, другой рукой прижать древко ледоруба к склону. Если упавший скользит по склону на боку, следует перевернуться на живот и, продолжая удерживать ледоруб в указанном положении, добиваться сначала замедления скольжения, а затем и полной остановки (рис. 2). На травянистом склоне этот способ применяется редко.

При движении по склону, поросшему кустарником и лесом, обращается особое внимание на выбор места для постановки ноги, так как корни и низкорастущие ветви серьезно мешают движению.

По крутым травянистым склонам нужно идти зигзагами. При этом, если склон покрыт отдельными камнями (редкой осыпью), солдаты не должны двигаться один под другим, чтобы избежать срыва от удара камней.

При подъеме «в лоб» по сухому травянистому склону, покрытому осыпью, следует вести группу на сомкнутых дистанциях, для того чтобы идущие сзади могли удержать случайно сброшенные передними камни, пока они еще не набрали достаточной скорости.

При подъеме по густой и мягкой траве есть опасность срыва из-за скольжения ног. Эта опасность в большей степени появляется после дождя, когда намокшая трава становится более скользкой, что заставляет замедлять темп продвижения и даже в ряде случаев (по усмотрению командира) организовать страховку.

Травянистый склон, покрытый свежевыпавшим снегом, очень труден для продвижения. При прохождении его необходимо готовить место для постановки ноги и организовывать надежную страховку.

После обильного дождя или сырого снега и последующего понижения температуры воздуха травянистые склоны могут покрываться ледовой коркой. По такому склону идти трудно. Требуется страховка и тем более тщательная, чем круче склон и чем опаснее и сложнее обстановка.

Нельзя помогать движению, хватаясь руками за выступающие камни, пучки травы, кусты или ветки деревьев, так как они часто бывают ненадежны и могут сорваться.

Если на маршруте расположены отдельные группы скал, то не следует подниматься вверх по склону в направлении этих скал из-за опасности падения с них отдельных камней. Такие участки лучше обойти.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ПО ОСЫПЯМ И МОРЕНАМ

Между моренами и осыпями имеется большое различие по форме, устойчивости обломков и методам их преодоления.

Осыпи представляют собой нагромождение каменных обломков и могут иметь достаточную протяженность.

Морены образуются на ледниках или на их берегах и имеют форму резко выраженных гряд обломочного материала.

Сложность передвижения по осыпям и моренам зависит от величины обломков, крутизны склонов, характера самих осыпей и морен (старые или новые). Наиболее трудными для прохождения являются осыпи и морены, лежащие на крутых и достаточно гладких склонах (травянистых, скальных и ледовых).

Лучшим маршрутом для движения по морене является ее гребень. Путь по такому гребню, как правило, прост и безопасен, но требует осторожности, так как гребень (если он узок) может осыпаться, что приводит к срыву.

На старых уплотненных моренах могут быть использованы для движения и склоны.

При передвижении по осыпям и моренам большое значение имеет выбор места для постановки ноги. Переход производится перешагиванием с камня на камень. Прежде чем перенести тяжесть всего тела на очередной камень, необходимо опробовать его ненапряженной ногой. При достаточном опыте это достигается автоматически.

По осыпи возможно движение в любом направлении. По мелкой осыпи или морене движение осложняется тем, что при постановке ноги сползает мелкий щебень с грунтом. Необходимо ставить ногу осторожно и переносить вес тела на перенесенную ногу только тогда, когда перемещение обломочного материала под ней прекратится.

При спуске по осыпям и моренам, если они достаточной толщины и лежат не на ледовом или крутом травянистом склоне, можно двигаться прямо вниз, используя сползание осыпи для ускорения движения. При этом нужно ставить ногу с упором на каблук и, не ожидая остановки движения перемещенной ноги, переступить второй ногой. Такой прием допустим только в том случае, когда нижележащий склон не крут и случайный срыв одного из идущих не может привести его к падению по склону на значительном расстоянии.

По средним осыпям и моренам продвигаться довольно просто. Для устойчивой постановки ноги целесообразно выбирать камни с плоской поверхностью.

Если идущий впереди обнаружил неустойчивый камень, то он должен предупредить об этом сзади идущих.

На крупных осыпях нужно выбирать участки между большими глыбами с более мелкими обломками, прохождение по которым не отличается от передвижения по средним осыпям. Как правило, осыпи и морены, за исключением отдельных сложных участков, проходятся вне связки.

Необходимо учитывать, что осыпи более подвижны после дождя. Если же прошел дождь или мокрый снег, а вслед за этим понизилась температура (подморозило), то безопасность движения повышается, так как обломочный материал смерзается.

Особенно труднопроходимы осыпи и морены, лежащие на крутых ледовых, скальных или травянистых склонах. На таких склонах возможно сползание всего слоя осыпи.

Следовательно, прежде чем начать движение по таким осыпям, их нужно проверять и соответственно выявленному характеру этих осыпей давать указание о порядке движения. Если такие участки обойти нельзя, то нужно подниматься прямо вверх, движение поперек склона не допускается.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ПО ЛЕДОВЫМ, СНЕЖНЫМ И ФИРНОВЫМ СКЛОНАМ

Горные склоны выше снеговой линии покрыты мощными снежно-фирновыми и ледовыми покровами. Высота этой линии различна в каждом горном районе и зависит от географической широты местности данного района, от специфических условий местного климата и от расположения склонов (север или юг, запад или восток).

Характер ледовых и снежно-фирновых покровов очень разнообразен. Он зависит от крутизны и характера склона, лежащего под покровом, погоды, характера вышележащих склонов, а также характера и структуры самого покрова.

Поверхности ледовых склонов могут быть различными: открытые части долинных или висячих ледников, закрытые их части, ледопады, склоны, покрытые натёчным льдом, и склоны, покрытые коркой льда.

Лед ледников образуется в результате постоянной кристаллизации фирна под действием тепла и давления вышележащих слоев. Он имеет ярко выраженное кристаллическое строение, менее хрупкий, чем любой другой лед, и при средней крутизне склона не сложен для прохождения. Наибольшую трудность при этом представляют выход на язык ледника и прохождение мест расположения ледопадов. Такие сложные участки стараются обходить. Выход на язык ледника чаще всего производится по старой береговой морене. Такой путь обычно не труден и всегда выводит к более пологой средней части ледника. Обход ледопадов совершается по скальным склонам берега ледника.

Иногда, особенно на северных склонах, встречается натёчный лед. Он образуется в результате таяния снега на вышележащем склоне. Вода, стекающая по склону, не обогреваемому солнцем, замерзает тонкой коркой, в результате чего постепенно накапливается плотная слоистая масса из стеклообразного хрупкого льда.

Натёчный лед из-за своих физических качеств – слоистости, хрупкости и т.д. – представляет огромные трудности при передвижении. Кошки в него вонзить очень трудно из-за большой прочности льда; ступени вырубать почти невозможно, так как из-под ледоруба отлетают чешуйчатовидные осколки слоистого льда, крюк входит в такой лед очень плохо, скалывает отдельные слои, и нет гарантии в его надежности, даже если он забит до самого конца.

Открытая часть ледника при крутизне склонов до 30° – достаточно простой и безопасный путь, который можно предпочесть многим другим. При большей крутизне движение по леднику сильно затрудняется. Однако даже крутой ледовый склон иногда удобнее для передвижения, чем сложный скальный склон, так как он позволяет подготовить достаточно надежные точки опоры (ступеньки) и обеспечить эффективную страховку (через ледовый крюк).

Участки с натёчным льдом рекомендуется обходить, но если обстановка вынудит двигаться по ним, необходимо принять все возможные меры предосторожности, для того чтобы избежать опасности. Рубить ступени, забивать крючья, выбирать место для страховки или даже останавливаться на некоторое время на склоне, покрытом натёчным льдом, нужно с большой осторожностью.

Наиболее сложной для передвижения частью ледника является его верхняя часть (закрытый ледник), покрытая снегом или фирном.

Главная опасность – это проваливание в ледниковые трещины. Трещины закрыты снегом или фирном, и поэтому их очень трудно заранее обнаружить даже опытному разведчику. Для предупреждения проваливания в трещины по закрытому леднику группа идет в связке. Передний все время зондирует (прощупывает) снег или фирн своим ледорубом, а остальные внимательно следят за ним, в готовности в любой момент вонзить свои ледорубы в снег и застраховать товарища от падения.

Снежные склоны. Техническая сложность передвижения по снежным склонам зависит от крутизны, характера склонов и состояния снега.

Сухой снег. Выпадая при низкой температуре, сухой снег имеет вид сыпучей массы. На крутых травянистых, скальных или твердых фирновых склонах он лежит неустойчивой массой. Передвигаться по таким склонам трудно и опасно из-за возможного срыва лавин. В случае необходимости по таким склонам нужно идти с большими предосторожностями, след в след, чтобы не подрезать пласт снега. Рекомендуется не траверсировать (не пересекать) склон, а подниматься «в лоб». Пересекать склон лучше в верхней, наименее опасной в отношении лавин части.

Из сухого снега образуются пылевидные лавины; могут образовываться лавины и несколько иного порядка, а именно: сухой снег на склоне может подтаять с поверхности и в результате последующего понижения температуры образуется прочная ледовая корка, которая и удерживает нижележащую массу снега от срыва со склона. Если разрушить эту корку, обрушится огромный пласт снега, образуя лавину. Такая лавина носит название *пластовой*. Поэтому при прохождении таких склонов нужно быть особенно осторожным и не разрушать верхнюю корку льда.

Мокрый снег, выпадая, образует плотный пласт, который несколько менее опасен в отношении лавин, так как он более плотный, чем выпавший сухой снег, и поэтому прочнее держится на склоне. Но и по склонам, покрытым мокрым снегом, необходимо передвигаться с соблюдением всех мер предосторожности, так как крутые травянистые, а также скальные склоны и при таком покрытии – лавиноопасны. Из мокрого снега образуются мокрые пластовые лавины.

Двигаться по крутым склонам, имеющим такой покров, нужно также след в след.

Зимний снег. Снег, выпавший в течение зимы, уплотняется под действием ветров, от периодического подтаивания и замерзания и представляет собой достаточно безопасный путь для движения. Но и такой прочный слой может быть лавиноопасным. В весеннее время воды от таяния поверхностных слоев просачиваются через весь пласт и начинают стекать по грунту вниз под слоем снега. Эти воды подмывают пласт, раз-

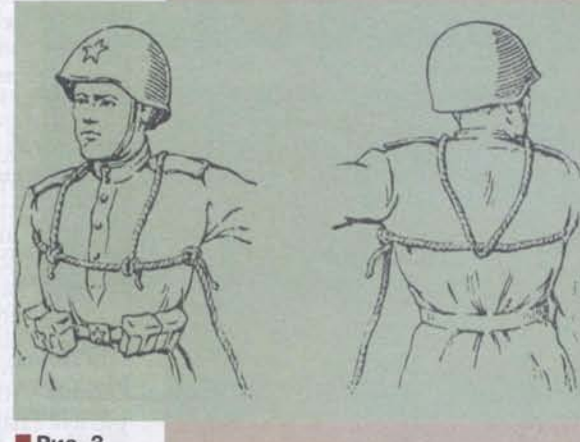

Рис. 3

рушая его связь с грунтом. В результате ослабления этой связи наступает момент, когда весь пласт, потеряв опору, начинает скользить вниз по склону. Так образуются грунтовые лавины.

Поэтому при движении по склонам, покрытым зимним снегом, рекомендуется идти по тем участкам склона, где видны выступающие группы скал, кустарник. Это уменьшает лавинную опасность.

Фирн. Под действием солнечных лучей и главным образом от давления вышележащих пластов снег кристаллизуется и превращается в зернистую массу, называемую фирном.

Фирн может быть мелко-, средне- и крупнозернистый. Склоны, покрытые фирном, особенно средне- и крупнозернистым, достаточно надежны для движения.

Основное препятствие на фирновых склонах представляют подгорные трещины (бергшрунды). Они образуются на границе перехода фирна в лед, а иногда и на крутых фирновых склонах. Причина их образования – разная скорость движения фирна и льда по склону.

Рис. 4

Особенностью бергшрундов являются различные по высоте берега, значительная ширина и глубина.

Ледовые, снежные и фирновые склоны часто используются для движения. Но разведчику не всегда можно двигаться по ним. Большая протяженность, однообразная белая поверхность и крутизна склонов, не позволяющие быстро преодолевать их, являются серьезным демаскирующим фактором. Поэтому разведчикам чаще приходится передвигаться по скальным склонам или по боковым и береговым моренам.

Разведчики могут передвигаться также и по ледовым трещинам, что может быть допущено в отдельных случаях, особенно тогда, когда это необходимо для соблюдения маскировки.

Прохождение по высокогорным районам, покрытым снегом и фирном, требует осторожности и знания определенных технических приемов.

Снежно-фирновые участки делятся на закрытую часть ледника, снежно-фирновые плато, фирновые склоны, снежные склоны.

По закрытой части ледника нужно двигаться в связке. Первый и третий солдаты привязываются на концах веревки, а второй на ее середине. После этого каждому следует укрепить веревку на груди «подтяжками» (см. рис. 3), чтобы в случае срыва в трещину не выпасть из петли.

Для движения в связке силы распределяются так: наиболее квалифицированный в техническом отношении разведчик идет впереди, так как он быстрее и точнее сможет обнаружить трещину, определить ее характер и организовать переход через нее.

Перед началом движения второму и третьему разведчику в связке нужно завязать небольшую петлю на веревке, идущей от него вперед, на расстоянии метра от груди. Через петлю пропускается древко ледоруба или альпенштока; при движении по закрытому леднику петля удерживается на ледорубе или альпенштоке. Это делается, для того чтобы в случае внезапного срыва одного из идущих солдат в трещину другие могли быстро воткнуть ледорубы или альпенштоки в снег и удержать сорвавшегося. В такой момент веревочную петлю нужно удерживать у поверхности снега или фирна, для того чтобы рывок сорвавшегося солдата не вырвал ледоруб или альпеншток из склона.

Веревка при движении все время должна находиться в воздухе, не касаясь снега. Это предохранит ее от намокания. Мокрая веревка становится неудобной для организации страховки, она тяжелеет и вызывает обморожение рук, а во время мороза может переломиться.

Двигаться в связке по закрытому леднику необходимо медленно.

Как только передний нащупал трещину, он делает шаг назад, а второй и третий – по два-три шага вперед. Остановившись, они организуют страховку веревкой через воткнутый в снег или фирн ледоруб.

После этого передний, прощупывая снежный склон ледорубом, определяет ширину трещины. Если трещина неширока, то переход ее организуется следующим образом. Первый переходит по пласту снега над трещиной при двойной страховке вторым и третьим, спокойно без удара ставя ногу и плавно перенося на нее вес своего тела. Ледоруб он держит в руке так же, как и при движении по леднику. Определив зондированием, что трещина действительно пройдена, переходящий, продолжая зондировать, проходит несколько шагов вперед. Выбрав надежное место, он организует страховку очередного.

Когда первый страхующий готов, третий из связки снимает страховку и подходит ко второму, где организует страховку для него.

После этого второй начинает переходить трещину. Так же спокойно, как и первый, идя по его следам, он переходит трещину и, подойдя к первому, организует страховку для третьего.

По готовности страховки третий снимает свою страховку и начинает двигаться при страховке первым и вторым.

В том случае, когда трещина широкая и открытая, на ней находят узкое место или «мост», где слой снега или фирна не разорван и перекрывает трещину наподобие настоящего моста.

При прохождении «моста» должна быть организована надежная страховка на ледорубах или альпенштоках, а при наличии незначительного слоя снега или фирна на леднике слой этот счищается и страховку организуют на ледовых крючьях.

Если «мост» достаточно надежен, то его проходят, осторожно ступая ногами, при этом страхующие плавно выдают веревку по мере прохождения. Если же «мост» очень тонок и малонадежен, тогда его переползают, широко раскидывая руки и ноги для увеличения площади опоры (рис. 4). Разведчик, преодолевший «мост», организует страховку с другого края трещины для остальных.

Особенно осторожно и внимательно нужно выбирать места остановок для привалов на закрытой части ледника (такое решение принимается только в крайнем случае). Прощупыванием всего участка ледорубом (обязательно на страховке) необходимо убедиться, что нет трещин. Во время остановки нельзя выходить за пределы обследованного участка.

Большие трудности представляет прохождение подгорных трещин (бергшрундов), характерной особенностью которых, как указывалось выше, является различие в высоте берегов.

Для прохождения их нужно найти «мост» или перемычку, которая образуется от обвала более высокого берега. Такая перемычка представляет собой отдельные глыбы или ряд таких глыб, которые забивают трещину в той или иной ее части. Трещину переходят осторожно, переползая на четвереньках.

При преодолении подгорной трещины сверху на перемычку спускаются на веревке, применяя один из вышеуказанных способов спуска. Но если нужно преодолеть такую трещину снизу, то трудности возрастают. Необходимо подобрать такое место, где верхний берег имеет меньшее превышение над нижним и от него вверх идет более пологий склон.

Переправившись по перемычке, поднимаются к верхнему берегу с использованием вырубаемых ступеней, а иногда и крючьев. Основная трудность при прохождении трещины ложится на переднего разведчика, остальные обеспечивают его при этом надежной страховкой.

Иногда через подгорную трещину может быть наклонный «мост», соединяющий ее берега; его преодолевают теми же способами, что и «мосты» через ледниковые трещины (рис. 5).

При движении по снежным или фирновым склонам необходимо сохранять две точки опоры (ноги и ледоруб попеременно) с обязательным соблюдением вертикального или несколько отклоненного к склону положения туловища.

Так как состояние снега или фирна зависит от времени суток и погоды, то они могут иметь достаточно твердую и прочную верхнюю корку ночью или рано утром. При этом чем крупнозернистее фирн, тем дольше он сохраняет твердость поверхности. Давно выпавший и слежавшийся снег по технике прохождения может быть приравнен к фирну.

На снежно-фирновых склонах средней крутизны движение происходит с использованием кошек (при крутизне склона до 35-40°). При дальнейшем увеличении крутизны склона может появиться необходимость в рубке ступеней. Они рубятся такими же способами, как и на ледовых склонах. При этом чаще всего используют не клюв ледоруба, а его лопатку.

Страховка на таком склоне организуется через ледоруб. Для этого ледоруб возможно глубже вбивается в снежный склон и веревка от идущего впереди закладывается кольцом вокруг древка ледоруба.

По мере продвижения идущего страхующий выдает веревку.

Такой переход требует много времени, но при этом достаточно надежно обеспечивается безопасность передвигающихся.

При срывах с подобного склона для самозадержания используется лопатка ледоруба. Сорвавшийся врубает в склон лопатку и удерживает ее руками в таком положении до тех пор, пока скольжение не прекратится.

В полдень при солнечной погоде, после дождя или при тумане фирн, а также слежавшийся снег находятся в сильно размягченном состоянии. Это значительно затрудняет движение. Переход по таким склонам требует большой затраты сил, ноги проваливаются и вязнут, очень быстро промокают ботинки; их кожа пропитывается водой, а при переходе со снега на скалы или осыпи (морены) – быстро разрушается.

Рис. 5

Подъем «в лоб» в зависимости от крутизны склона совершается способом «елочки» или «полуелочки». Переставляя ногу, надо постепенно переносить на нее вес тела; если же нога погружается выше щиколотки, необходимо сначала твердо установить переставленную ногу и только после этого плавно переносить на нее вес тела.

При подъеме по снежному склону крутизной 35–40° можно передвигаться во всех направлениях, вытаптывая место для постановки ноги. На склонах большей крутизны чаще всего поднимаются прямо «в лоб».

Порядок передвижения при этом будет следующий. Впереди идущий с усилием втыкает ледоруб в склон перед собой, удерживая его обеими руками за головку; затем, держась рукой за ледоруб и стоя на одной ноге, выбивает ступеньку на склоне; поставив ногу на выбитую ступеньку и продолжая удерживаться за ледоруб, он выбивает ступеньку для второй ноги. Заняв устойчивое положение на подготовленных ступеньках, идущий вытаскивает ледоруб из снежного склона и с силой втыкает его выше по склону. Затем этот прием повторяется.

При пересечении склона ступеньки выбиваются рантом ботинка, а при склонах крутизной свыше 40° рекомендуется передвигаться боком, выбивая ступеньки носком ботинка и применяя ледоруб так же, как и при подъеме «в лоб».

При спуске ступеньки выбиваются каблуком, ледоруб держится на изготовке штычком к склону, а в случае надобности используется в качестве третьей точки опоры и для самостраховки.

На спуске по склону крутизной 40° и более приходится передвигаться спиной вперед, применяя такой же способ, как и при подъеме «в лоб».

На снежных и фирновых склонах крутизной до 30–35° передвигаются с подвижной страховкой, а на более крутых склонах применяется страховка «через плечо» или «через ледоруб» с места.

При передвижении по крутым склонам «в лоб» направление нужно выбирать так, чтобы в случае срыва верхнего не могли быть сбиты страхующие.

Иногда на ровных снежных склонах применяют *глиссирование* (быстрый спуск скольжением в положении стоя на ногах, аналогичный спуску на лыжах. Такой спуск требует безусловной устойчивости спускающегося, что достигается лишь большим опытом в глиссировании. – **Ред.**). Этот метод спуска сложен и требует большого внимания и опыта. Не рекомендуется глиссировать по незнакомому склону и особенно в том случае, когда хоть один человек из состава группы недостаточно хорошо владеет техникой глиссирования.

Ровные, крутые снежные и фирновые склоны могут показаться пригодными для глиссирования, но на них часто находятся прикрытые снегом камни и трещины, которые при глиссировании неизбежно приведут к падению или срыву всей связки.

(Продолжение следует)

«ЧТОБЫ СРАЖАТЬСЯ КАК ЗВЕРЬ И УМЕРЕТЬ КАК ЧЕЛОВЕК...»

Здравствуйте, уважаемая редакция. Давно знаком с «Солдатом удачи». С интересом читаю вашу «Книгу боевого опыта». Вот и решил написать, дать некоторые советы, которые выстрадал и прочувствовал на собственной шкуре.

Итак, начнем с ног. Для бойца очень важно, чтобы ноги были в порядке. Я работал в основном при температуре выше тридцати градусов, и одной из проблем были всевозможные разновидности грибка. В целях профилактики следует использовать слабый раствор хлорамина. Омыл ноги, сполоснул, и можно спать спокойно.

Хороши стельки фирмы «Тризет» с антигрибковой пропиткой. Если решил купить обувь с мембраной «Gore-Tex», помни, что ее бесполезно использовать с обычным носком, так как этот носок не испаряет влагу, а просто впитывает ее, оставляя внутри. Для такой обуви нужен носок из Termolight. Он испаряет влагу лучше шерсти. Но он дорого стоит. Цена зависит от толщины носка. А тут нужно примерно три пары для смены в ходе применения. Их хватит года на три. Хочу добавить еще одну немаловажную деталь: эти носки быстро сохнут после стирки. Более того, их можно просто хорошо отжать и надевать, не опасаясь натереть ноги на марше. Длительность использования таких носков в обуви с «Gore-Tex» объясняется их гладкой и скользкой поверхностью. Если же ходите в берцах, следует ноги в хлопчатобумажном носке обрабатывать тальком или детской присыпкой.

Для продления срока службы шерстяного вязаного носка можно использовать женские капроновые чулки. Их обрезают и надевают поверх носка. Теперь носки не протрутся даже в мокрых ботинках и прослужат не менее года.

Если штанина камуфляжа двойная, одна из них заправляется в ботинок, вторая – поверх ботинка, а верхнюю кромку можно прихватить полосой коричневого матерчатого скотча. Это избавит от попадания внутрь насекомых, воды, камней и прочего мусора, а также закрепит шнурок.

Можно применять гетры. Их производят для туристов. Они прочные и непромокаемые. Но есть и минус – почти все шумят при ходьбе, а некоторые светятся в ПНВ. То есть при нормальном свете гетры черные, а в приборе ночного видения – белесые, резко контрастирующие. Если ПНВ нулевого или первого поколения это не очень заметно, а вот более новые приборы могут выявить этот недостаток в самый неподходящий момент. Этот недостаток есть и в других вещах из синтетических материалов.

Дальше хотелось бы сказать о той части тела, из которой ноги растут. В жаркую погоду на марше белье постоянно прилипает к заднице. И бойцы, случается, натирают пах и ягодицы. А если ты еще находишься в тропиках, то через сутки потертости начинают загнивать. Чтобы этого не случилось, белье должно плотно прилегать к телу и быть длиной примерно до середины бедра. Но если все-таки потертости есть, их надо промыть и смазать кремом после бритья или борным вазелином. Детский крем и его аналоги не эффективны.

Бывают моменты, когда находишься на выходе неделю или больше, жара, помыться негде. В этом случае надо смазывать все «опасные» места, пах, подмышками – везде, где может быть намек на потертость. В холодное время применяется так называемый поджопник. Его успешно эксплуатируют уже много лет туристы всего мира, и они есть в продаже в любом туристическом магазине.

Если на тебе бронежилет, не носи под ним в карманах ХБ личные вещи. Там место только для документов. Всегда используй средства защиты. «Броник» – такая хитрая штука, но его надо носить ради может быть единственного случая, когда он пригодится и спасет жизнь. Не надо забывать и об осколках на излете, камнях и прочих неприятных вещах. Они, может, и не убьют, но незащищенного бойца выведут из строя. То же касается каски, налокотников и наколенников.

Рюкзак или ранец не должен быть шире тебя. Как это проверить? В доме найди узкое место, например, балконную дверь. Вытяни руки вперед, максимально сведи плечи. В таком положении тело с рюкзаком должно пройти.

Надевай рюкзак так, чтобы было удобно его быстро скинуть. Научись сбрасывать рюкзак через голову. Это очень важно. К примеру, столкнулся с противником на открытой местности. Действовать надо так, метод прост: в правой руке держишь автомат, левой рукой, помогая телом, перекидываешь рюкзак через себя, падаешь и залегаешь за ним. Какое-никакое, а укрытие. Несколько тренировок и сможешь научиться перекатываться с рюкзаком. Шанс уцелеть на открытом месте, конечно, невелик. Но все же это шанс.

Теперь о питании. Перед выходом нельзя есть булки с маком. Семена мака и ему подобные не перевариваются. После опорожнения кишечника часть их остается на коже и натирает ягодицы. А вот после молочных продуктов кишечник работает лучше. Результат, думаю, ясен. В молоке содержится вещество криптофан. Оно тормозит нервную деятельность, снижает внимание и реакцию. Весь эффект проявляется при большой нагрузке в самый не подходящий момент. Есть такая фраза, автора, правда, не знаю: «В бой надо идти голодным. Чтобы сражаться как зверь и умереть как человек».

И последнее. Оказывая медицинскую помощь, помни: раненому после этого еще жить. Я благодарен неизвестному бойцу, который своими грамотными действиями спас не только мою жизнь, но и мои руки.

Серж Иностранец.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛЕТОВ В ЧЕЧЕНСКИХ ГОРАХ

Игорь ПЛУГАТАРЁВ

Фото автора и из архива «Солдата удачи»

«НИКАКИХ ИМЕН, ФАМИЛИЙ, НОМЕРОВ БОРТОВ...»

От «сказать несколько слов для журнала» эти ребята наотрез отказались: «Не-е, мы – рабочие лошадки, а интервью давать... Повыше нас люди есть, вот пусть и трендят». (Хотя если буквально, то «повыше» их, вертолетчиков Погранвойск, в этих горах по российскую сторону Скалистого хребта, отделяющего Северный Кавказ от Южного, никто не летает, а на уровне с ними – разве что пернатые хищники, кои здесь водятся в изобилии.)

Но так вышло, что в новом офицерском общежитии, которое не так давно начали обживать в Тусхарое (так именуется «пятачок»-плато на одном из горных склонов, где базируется Аргунский пограничный отряд, заставы которого охраняют весь 81,4-километровый чеченский отрезок российско-грузинской границы), наши «гостевые» комнаты оказались через стенку. В тот августовский день на границе «была обстановка», вернее, «могла быть», и из пограничной авиагруппы «Гизель», что под Владикавказом, в Тусхарой на дежурство были отправлены два вертолета Ми-8... Летчики к тому вечеру отменно налетались в горах (первым рейсом на пограничную реку Аргун они привезли из Владикавказа нас, журналистов) и направлялись на ужин. По ним было видно: никакие, и в офицерскую столовую-то шли будто машинально – проглотить чего-нибудь, выпить чая да и уронить себя на койку. А тут я, чудак на букву «М», с домогательством о «беседе». Однако после ужина эти «никакие» начали хорошо «гудеть» в своем кубрике. Причем промежуток от «ну что, по первой?» и традиционного второго поминального тоста (стоя и не чокаясь) до разговоров «о работе» прошел быстро, даже «о бабах» недолго рассуждали. И мы, репортеры, ночное время даром не теряли – тоже привезли с собой чего покрепче. Свинтили пробки, зазвякало горлышко о стаканы, и начали кушать ее, горькую. И, как и бывает в таких обстоятельствах, произошло братание – в данном случае пишуще-снимающей и летающей братий. За них, «настоящих российских мужиков, которых только здесь, в Чечне, и можно обнаружить», мы не одну рюмку подняли...

– Мужики, а анекдоты про вас есть?

– Про вертолетчиков-то? Ни одного!.. А вот про наших крылатых коллег рассказать можем... Проходит, значит, медкомиссия в авиачасти, опытный врач учит практиканта, как с одного взгляда летчиков различить. «Вон видишь, – говорит, – у одного глаза вытаращены – это летчик-штурмовик, он, когда из пике выходит, все боится в землю врезаться, вот глаза и вылезают из орбит. А вон летчик противолодочной авиации: видишь, у него на лице след от маски для подводного плавания. А вон тот, с руками до колен – это летчик-транспортник, ему грузить и разгружать свой самолет часто приходится». – «А вот тот, что к нам прислушивается?» – спрашивает молодой. – «Который с синяком-то на груди? Это – истребитель». – «А как вы определили?» – «Сейчас сам увидишь». И этот, с синяком, подходит к ним, дубасит себя кулаком в грудь и с возмущением рычит: «Это где вы, докторишки, тут летчиков видите?! Вот я – летчик, я, я!»

В общем, «интервью» пришлось брать между тостами, анекдотами, перекурами и неоднократными попытками «лечь спать, а то завтра рано вставать». Пилоты махнули рукой: «Глядим, вы ребята тоже рисковые, мотаетесь куда не надо... Ладно, пиши, – сказали мне, – но никаких имен, фамилий, номеров наших бортов...» Я поклялся.

Утром оба экипажа были как огурчики,

и кто-то из телевизионщиков с особенно опухшим... впрочем, назвать это лицом было сложно, кто-то восхитился ими: «Ребят, а вы чё, до трех ночи не пили, что ли?!»

– Быстрее на борт! – подгоняли они нас. – Пока погода и в горах потоки не пошли!.. Пили, не пили... Уметь надо! (К этому их феномену – «пить и не страдать от похмелья» – мы еще вернемся.)

Вылет по плану был в 7.20, и в 7.21 лопасти обеих «вертушек» уже вовсю полосовали прохладный воздух над Аргунским ущельем, звук был такой, будто некий воинственный горец быстро-быстро рассекал клинками восходящие невидимые потоки... И тут нужно объяснить, почему, собственно, мне так необходимо было добиться с ними разговора по душам.

ПОЛЕТ НАД ГНЕЗДОМ КУРОПАТКИ

Из Гизели до Тусхароя мы летели через Ханкалу – главную базу федеральных сил в Чечне: завозили в штаб группировки начальника штаба авиагруппы. И если над территорией Северной Осетии боевой Ми-8, набрав метров 150–200, летел нормально (по понятиям простого пассажира), то потом случилось нечто. Через несколько минут вертолет резко снизился. «Ингушетия, – сказал мне офицер, сосед по иллюминатору, – пересекли административную границу... тут тоже сбить могут...»

Да уж, в Ингушетии могут: сразу вспомнился рейд двухсот боевиков в ночь с 21 на 22 июня 2004-го, «удачно» они тогда «сходили» – убили под восемьдесят человек, больше половины из них – военные, в том числе местные эмвэдэшники и несколько пограничников Назранского погранотряда... Зеленая равнина проносилась внизу, как быстро движущаяся искусственная беговая дорожка... «Всё, в Чечню влетели», – еще через несколько минут донесся голос соседа.

Действительно, Чечня стала узнаваемой сразу по каким-то необъяснимым даже для несведущего человека признакам: другая земля, что ли... И от земли этой исходит опасность... Вертолет как бы еще ближе «прижался» к поверхности, и уже казалось: не летишь (степенно окидывая взглядом окрестности с высоты птичьего полета), а мчишься на гоночном автомобиле – винтокрыл, идущий со скоростью 200 километров в час, едва не касается колесами земли, лишь делает «горки» – буквально перепрыгивает линии электропередачи или частоколы тополей, защищающих поля от выveивания ветрами снега зимой. Сопровождающий «восьмерку» вертолет огневой поддержки Ми-24 (поодиночке здесь не летают) выполняет те же пируэты... Точно как в фильме «Терминатор-2», когда «плохой» робот из будущего гнался на вертолете по-над шоссе за удирающими от него на легковушке «хорошими» героями, перепрыгивая через провода, мосты и прочие акведуки. Но там был легкий полицейский геликоптер, а тут – тяжелый боевой Ми-8...

При заходе на аэродром Ханкалы (сверху было видно: техники здесь – немерено, войск – тьма-тьмущая!) оба «миля» отстрелили специальные пиропатроны: тут всегда есть опасность, что боевики могут стебануть какой-нибудь «Стрелой» или «Иглой», и такой отстрел дает шанс, что бандитская ракета, будь она пущена, отвлечется от вертолета на нечто более яркое и жаркое. Хотя сами летчики в такую удачу не верят.

– От «Стрелы» еще как-то можно увернуться, – рассказывали они мне позже, – а от «Иглы» – бесполезняк: эту не обманешь, она на мелочь типа наших отстрелов не отвлекается, только за крупной дичью летит. От нее и маневром не уйдешь, как это можно от «Стрелы». «Игла», если лишь «почувствует», что промахивается, тут же взрывается, дальше пятнадцати метров мимо цели не пролетит... Сама не попадет, так осколками ударит...

И все же вертолетчики расшвыривают свои тепловые ловушки по обе стороны от стрекочущей машины. Вот транспортник Ми-26 (самый грузоподъемный вертолет в мире) не расшвыривал таковые 19 августа 2002 года и... Известно, что было: всадили в него боевики ракету как раз в тот момент, когда он, тяжело груженный, заходил на посадку. И ведь смогли тогда летчики посадить раненую махину и спасли бы себя и людей, да на свое же минное поле вынуждены были садиться: 127 (из 147 находящихся на борту) человек тогда погибли, сам вертолет сгорел дотла в считанные минуты... «Вертушки» вообще быстро горят...

«Забросили» начштаба и взяли курс на Тусхарой. Снова, пока не достигли отрогов Скалистого хребта и внизу не показался несущийся к Тереку Аргун, – «земля в иллюминаторе», «прыжки» и «волны», взмывания и мгновенно следом «проваливания», в общем, «полоса препятствий по-вертолетному». Заявку на новый вид спорта подавать можно – гонки на геликоптерах с препятствиями... И – невольные воспоминания о покойном генерале-

десантнике и губернаторе Александре Лебеде, погибшем, как известно, в результате столкновения вертолета, в котором он летел в сопровождении свиты, с линией электропередачи (ЛЭП). Пилоты, как ни старались увидеть ее, все же прозевали в условиях безобразной видимости. Благо, когда мы летели, не было тумана. Вспомнилась и другая трагедия, правда, в Таджикистане: 2 марта 1999 года пограничный Ми-8 при полете над горным участком реки Пяндж зацепился стойкой шасси за линию электропередачи и рухнул в реку, погибли 17 человек, в том числе генерал...

Но, по правде сказать, когда меня в этом полете «бросало», как на качелях, каждый раз окатывая быстрыми волнами потаенного ужаса, об этих «худших вариантах» лишь мелькнуло. Больше восхищало совершенно невероятное мастерство асов-пограничников, и лично я был в эти минуты совершенно убежден, что с такими ребятами со мной, как в той фронтовой песне, «ничего не случится». Жизни всех летевших этим бортом пассажиров были в их руках... Вот тогда-то на скорости 200 и в трех-пяти-десяти метрах от земли я и придумал расспросить их, как же это они так могут...

– Да как же вы успеваете на такой скорости через ЛЭП скакнуть?! – допытывался я у них у Тусхарое, «не понимая».

– Дак ведь ее же видно, эту ЛЭП, – в свою очередь поражался «глупому» моему вопросу один из летчиков командир экипажа, назовем его Андрей. – Как в нее можно врезаться?! И потом, мы все эти ЛЭПы и телеграфные столбы наизусть знаем: каждый день же здесь по нескольку раз летаем. Завяжи командиру глаза – и он перескочит!

Считается, что при таком полете (как в том анекдоте – «низенько-низенько», а я бы еще сказал, «по-пластунски»), когда машина буквально прошивает пространство, ее трудно «взять» на мушку. Однако 31 мая 2002 года боевики попытались опровергнуть эту тактику полетов. В этот день погиб командир пограничной эскадрильи Ми-восьмых подполковник Леонид Константинов.

Его «восьмерка» взлетела с Гизели и в сопровождении Ми-24-го пошла на Тусхарой. Полет проходил на такой же предельно малой высоте. И у станицы Нестеровская машину дерзко обстреляли. Били из «зеленки» практически в упор – с расстояния не более 150 метров с двух точек: в лоб с дальнего расстояния и под саму «вертушку» – с ближнего. Константинов сразу был тяжело ранен в грудь и живот. Старший бортовой техник капитан Сергей Кураченко, прислонив его к перегородке, чтобы облегчить боль, насчитал на его пропитавшейся кровью куртке шесть дырок. Теряя сознание, комэск успел отдать необходимые распоряжения штурману капитану Владимиру Норову: «Уводи, уводи...» Тому удалось осуществить маневр, чтобы уйти из-под огня и не получить вдогон лишних пуль. С земли, узнав, что на борту тяжело раненный, а машина управляема, приказали лететь в Назрань. Но с вертолета сопровождения передали: из «восьмерки», как из решета, хлещет керосин – пробит топливный бак. Володя Норов снизил машину донельзя, чтобы в случае отказа техники смягчить возможный удар о землю. Он спешил спасти командира, жизнь которого угасала на глазах. Но через несколько минут капитан вынужден был сообщить, что до Назрани не дотянет: вытекло почти все топливо. Через 28 минут после обстрела «дырявый» Ми-8 совершил посадку в поле в четырех километрах от Назрани. Раненому комэску успели сделать искусственное дыхание, прежде чем его и пассажиров забрал другой вертолет, взявший курс на Владикавказ – в армейский госпиталь. Но летчик скончался в воздухе. Остальные, в том числе и депутаты Государственной Думы из Комитета по обороне, которые летели этим «бортом», надо полагать, отделались легким испугом, лишь одному металлом располосованной пулями обшивки немного посекло ноги. Позже Константинову было посмертно присвоено звание Героя России; капитан Норов получил «лишь» орден Мужества.

(Иногда кажется, что в России, никогда не научатся оценивать героев по заслугам. Константинов, вне всякого сомнения, – Герой. Но летчики говорят, что были весьма удивлены, когда Владимира Норова, более чем очевидного Героя, спасшего и людей, и вертолет, Золотой Звезды не удостоили... Через год после этого чиновники из наградного отдела к другим отличившимся пограничникам подошли по-иному: за участие в боях в ущелье Кериго они присвоили звание Героя России «живому» капитану Руслану Кокшину, который в августе 2002-го, отражая натиск превосходящих сил бандитов, до подхода основных сил не дал им прорваться к реке Аргун. А геройски погибших в том же бою подполковника Эдуарда Ладыгина и майора Сергея Попова такой чести не удостоили. Пограничники на Аргуне теперь добиваются, чтобы хоть назвали их именами заставы. Но московское начальство с этим не спешит: не Герои

России Ладыгин и Попов, «не дотянули» до столь высоких званий, может, и равняться на их пример нечего.)

Так что определенная гарантия, что при стремительных полетах «между тополями» можно в некотором роде «увернуться от пули», есть-таки. Но, как оказалось, на всякую хитрую... в общем, эта ненормативная пословица здесь как нельзя уместна, ибо изощренность боевиков просто бесподобна. По словам одного из летчиков, как-то в авиачасть пришло распоряжение – летать все же «чуть выше тополей». Ушлые бандиты придумали следующее: ставят между «строями» деревьев, вдоль которых прошмыгивают Ми-восьмые, специальные растяжки. Задев такую, проносящаяся на скорости машина вызывает направленный на нее взрыв... Рассказывают, что пару таких «интересных изобретений» саперы федеральных сил между тополями обнаружили и обезвредили.

ПОЛЕТ НАД ГНЕЗДОМ ОРЛА

Но мы идем в горы. Высота метров 250–300. Входим в ущелье – по обе стороны от бортов то чуть ниже, то выше проплывают скалы и вершины предгорных холмов. На входе и еще в одном месте оба вертолета вновь выпустили по нескольку антиракетных огней. Внизу – лента Аргуна, даже с такой приличной высоты виден его неукротимый бег к Тереку. Справа Грузия, слева Чечня. На зеленых пространствах по ходу полета – что-то типа замков из горного камня: так чеченцы «метят» территории своих родовых имений. Вижу пернатого хищника, кружащего ниже. А в другом месте – убегающего от звука вертолета хищника косолапого: говорят, медведей здесь в годы войны развелось много.

Вертолет неожиданно тряхнуло, гул двигателей как-то изменился... Тут – уж извините за «масло масляное» – свои особые особенности полетов.

– Это тебе не траву колесами косить, жаворонков да куропаток разгонять, – объяснял мне потом Андрюха. – Тут воздушные потоки. Разные в зависимости от рельефа ущелий и гор, времени дня, зимы-лета, погоды и хрен поймешь еще чего. Когда на Тусхарой шли, поколбасило немножко?

– Ну, было, поплющило малость.

– Вот-вот, это они и есть, потоки. Но это что еще, бывает, так в воздухе колбаснёт!..

Другой член экипажа этого борта рассказал, что однажды таким мощнейшим потоком Ми-восьмой развернуло в воздухе аж на 180 градусов!

– Высота была небольшая, как ребята удержали машину, ума не приложу! – сам поражался он. – Я думал – все, звездец, не увижу любимую тещу...

Андрей буднично парировал:

– А, Леха, перестань, еще и не такое бывало!.. Просто, знаешь, корреспондент, Ми-8, что бы там о его «вчерашнем дне» ни говорили, – лучшая винтокрылая машина всех времен и народов! Поверь – лучше еще не придумали! «Апач» – говно по сравнению с нашим Ми-восьмым! Вон случай в Ираке. Один подбили, а другой кружил, кружил над ним и сесть не мог, забрать экипаж. А наши ребята, если обстановка потребует, «восьмерку» и на булыжник в горах посадят! В том же Афганистане сколько раз спасали своих!..

Я совершенно не ловил себя на мысли, что это бравада, что пилот бахвалится. Нет, на булыжник не на булыжник, но когда во время боев в августе 2004-го в то же ущелье Кериго подкрепления «возили», на такие «лысины» в покрытых лесом горах садились, что сами потом удивлялись...

Оказывается, по утрам восходящих потоков меньше, поэтому вертолетчики обычно и взлетают в 6, в 7 часов, подгоняют пассажиров, опоздавших не ждут и все запланированные полеты стараются выполнить до полудня.

– По этим потокам порой так и скачешь, так и ловишь их, – говорит Андрюха. – А ведь летать в горах нигде не учат, вокруг Сызрани, откуда к нам приходят молодые летчики, гор нет...

Сам Андрей (он чем-то очень похож на министра МЧС Сергея Шойгу в молодости) – выпускник ныне почившего Уфимского высшего военного авиационного училища летчиков (оно, кстати говоря, вообще просуществовало недолго, открытое в середине 1980-х, произвело лишь несколько выпусков). Ручку управления Ми-восьмого держит с 1994-го. Не первый раз в командировке в Гизели. Постоянно же служит в Магадане...

– Там тоже много приходится летать, но условия полетов совсем другие.

А есть и такие, кто, по его словам, «прошел все мыслимые и немыслимые войны последних лет»:

– У нас, например, есть летчик, мы зовем его Старик, который воевал и в афганскую войну, и, кажется, в Югославии был, и первую и вторую чеченские прошел. Нам иногда кажется, что он летает и воюет с тех пор, как в воздух поднялся первый российский вертолет...

Потом я проведал: этому Старику «уже» 45 лет, выглядит он весьма моложаво, разве что седины много. Старик очень авторитетен среди летчиков, он – живая легенда не только на авиабазе в Гизели. Как-то мы сели между гор на конспиративной заправочной площадке у берега Аргуна. Приехал КрАЗ-топливозаправщик. И вдруг прилетели еще несколько Ми-8-х и Ми-24-х. Один из вертолетов посадил Старик, и к нему немедленно двинулась вся вертолетная братия – Старик каким-то образом всегда был в курсе всей воздушной обстановки в этом воюющем крае...

Командировки летчиков в Гизель продолжаются два месяца. Потом ротация. Меня по горным заставам «возили» асы, командированные сюда из трех дальневосточных региональных управлений Пограничной службы ФСБ России. Другой командир экипажа, пусть он будет Иваном, рассказывал, что, с учетом имеющегося опыта, обучаешься в ходе полета: кто за неделю, кто за две-три. В принципе адаптация к горным условиям проходит быстро. «Но экзамен сдаешь в каждом полете, – заметил он при этом. – Похожих полетов здесь не бывает». Присылают и совсем молодых летчиков, у которых практики за два-три года офицерской службы в лучшем случае лишь несколько десятков часов. Те, как правило, в полете держат вторую ручку управления винтокрылом... И поэтому услышать даже не совет, а какой-то рассказ, обмолвку от такого, как Старик, весьма полезно для пилота любого стажа, а уж для будущего аса...

Сложность полетов в чеченских горах порой колоссальная. Навыки требуется совершенствовать постоянно...

Однажды в Тусхарой прилетели два пограничных вертолетных генерала – командующие авиацией Погранслужбы: один сдавал должность, другой принимал. Один сел за командира, другой за второго летчика. А сложность захода на площадку Аргунского погранотряда, по мнению одного из классных воздушных практиков, Алексея, такова: если высшую сложность посадки на одну из высокогорных застав принять за 100 процентов, то тусхаройский случай – это 70 процентов того риска, а если ветер «не оттуда», то и того больше. И вот генералы ухватились за ручки, тянут вертолет к земле – и никак. А заход – со стороны городка отряда, под «упирающейся» машиной – палатки... Пришлось Алексею и его второму пилоту, которых командующие на время полета «согнали» с их рабочих мест, вновь «подменять» начальников. Те после посадки вылезли на плиты все мокрые от напряжения, и руки, ноги трясутся...

Чем такие посадки чреваты... Если верить одному из летчиков, – а не верить ему оснований нет, – на той же Гизели был такой случай. Не специалист, я не ручаюсь за точность «технологической» стороны передачи этого рассказа (диктофонной, да и блокнотной записи не делал), но смысл таков. Ми-восьмой заходил на посадку на вертолетную площадку одной из горных застав на Аргуне – и тут возьми и возникни этот самый воздушный поток. Оба летчика – тянут рычаги управления, чтобы не дать машине свалиться. А та под этими невидимыми струями так и норовит ухнуть оземь. «Помогайте, не удерживаем!» – орут пилоты бортовому технику и стрелку-пулеметчику. Те им помогать, и в восемь рук удалось-таки «сохранить кости целыми»... Это был предпоследний вылет этого экипажа – они потом еще в Гизель вертолет привели. А следом медкомиссия списала их с летной работы: оказалось, они «все связки на руках и на плечах порвали», как выразился мой рассказчик...

Во время заправки вертолета услышал об одном «зимнем» летном ЧП, о котором, когда оно случилось, мало кто узнал, а до журналистов так вообще не дошло. Связано оно, правда, не с пограничными, а армейскими вертолетчиками, и в центре фигурирует фамилия Виктора Казанцева (бывшего полпреда президента в Южном федеральном округе), который, в бытность свою командующим федеральной группировкой войск в Чечне и явился виновником этого летного происшествия. В один из горных районов Казанцев с группой офицеров прибыл двумя «вертушками». Одна тут же была отправлена им с каким-то поручением. В это время испортилась погода, завьюжило. Стало понятно, что ждать второй борт обратно смысла нет. Казанцев принимает решение: всем загружаться в оставшийся вертолет. Командир экипажа – а им был Герой России (позже он погиб) – докладывает, что облачность-то пробить можно, но с таким количеством людей машина не потянет. «Ничего, и не по столько на борт брали, – отмахнулся генерал-полковник. – Запускай винты!» Поднялись, может, метров на несколько, как вертолет стал «проседать» – не потянул такой перегруз, да еще в горах, да еще при метели. Летчику-асу чудом удалось произвести достаточно мягкую посадку, двигатель от удара в салон не провалился. Но вертолет стал съезжать по снежному склону. И если бы не груженный боеприпасами тяжелый «Урал», стоявший ниже... В общем, обреченный на гибель Ми-8 об этот «Урал» «затормозил», все остались живы, разве что поранились малость, включая и самого Казанцева. Его личный врач, капитан, долго не мог его перевязать – из-за нервного стресса у офицера бешено дрожали руки...

20 июля 2002 года в Ингушетии в районе горы Столовая разбился пограничный вертолет Ми-8, пилотируемый командиром экипажа подполковником Сергеем Нестеренко. (В авиации, когда случается катастрофа, почти всегда имеют место какие-то мистические вещи. Вот и здесь: станица Нестеровская, у которой погиб Константинов, тут – фамилия летчика чуть ли не Нестеров, а это, кто помнит, автор первой «мертвой петли»; Нестеренко на Гизели Нестером звали.) Погибли 12 человек – 4 члена экипажа и 8 военнослужащих. Когда их нашли и хоронили, говорили о том, что погибший экипаж был одним из опытнейших в пограничной авиации, а сам подполковник Нестеренко – пилот, имевший доступ к полетам на высотах до 4.200 метров, был инструктором по подготовке вертолетчиков для всех погранподразделений России. Что же случилось?

– Мы их сами искали, а когда нашли, сами их из тех гор выносили, – рассказывает Иван. (Позже мне приходилось слышать, что катастрофы в винтокрылой авиации поручают «разгребать» исключительно самим вертолетчикам: чтобы видели, к чему может привести «человеческий фактор» в воздухе, – считается, что это еще более дисциплинирует в полете.) – А потом запись «черного ящика» слушали. Они в полное «молоко» из облаков попали. Одну облачность пробили, а ниже – другая, а под ней – третья... А правым летчиком у Нестера молодой летчик был, лейтенант... И последние слова Нестера были, когда они вторую облачность начали пробивать, что-то: «А я говорил тебе, что этот прибор надо всегда включать...» И обрыв... И все...

– Молчи, Иван, – оборвал его Андрей. – Так, не так ли было... кто виноват, Нестер или этот молодой... а может, тот, кто послал «вертушку» в таких погодных условиях безо всякой на то необходимости... Знаешь, журналист, Нестеренко, другой кто – это все наше, вот здесь вот у нас. Горе наше, боль наша. Их не выговоришь, не передашь... Давай не будем об этом... Это только свой поймет, другой – никогда, особенно вы, корреспонденты...

Я попытался было объяснить, что «мы не такие» и что «у нас тоже ребята гибнут», но Андрюха только рукой махнул:

– Не такие? А когда Нестер разбился, вы тут же: вот, катастрофа, вертолет в гору влетел!.. Вам лишь бы чтоб сенсация была, да покрасивше, позрелищнее: вертолет пропал с радаров, долгие поиски, обломки, фрагменты тел... А наши жены, дети, родные со всей России на ушах стоят, звонят нам на Гизель: живы ли мы?.. Да, упал вертолет... Но вы хотя бы сразу сообщайте фамилии погибших...

Это справедливо. Только с «черным» списком фамилий нередко тормозит их же пограничное руководство, особенно в штабах, которое порой часами, а то и

сутками все «уточняет информацию», хотя список экипажа и пассажиров перед тем, как вертолет взлетит, трижды проверяется – сам неоднократно наблюдал, не раз будучи фигурантом всех этих списков...

ПОЛЕТ С «СОКОЛИНЫМ НАМОРДНИКОМ»

Каждый раз во время перелетов на заставы желтый топливный бак внутри салона постоянно был прикрыт бронежилетами. Поначалу дилетантски думалось, что так летчики «дополнительно» защищают наиболее уязвимое место от возможной автоматно-пулеметной атаки с земли. Но над бронежилетами на баке или кучей в конце салона всегда лежали и их авиационные шлемы.

Андрей на счет «дополнительной защиты» посмеялся:

– Да просто бронежилеты некуда больше положить...

– А шлемофоны почему не надеваете?

– А потому что эти соколиные намордники нам в кабине вообще не нужны – мешают только! Каски, они, знаешь, в окопах нужны, а в полете...

«Соколиный намордник» всегда надевал только стрелок у пулемета, позиция которого у выставляемой двери в задней части фюзеляжа.

По инструкции летчикам положено летать в бронежилетах и в бронешлемофонах. Но писал эту инструкцию, видимо, тот, кто, наверное, сам ни разу на месте пилота не был. «Броник», он и на земле тяжел. А управлять «вертушкой» в бронежилете, да еще в горах, да еще когда на посадку идешь, – это каторга. Случись что («уронишь» вертолет и жив останешься) – не выберешься. Но главное в другом: польза от пехотного бронежилета в воздухе близка к нулю. Нагрудные антипулевые пластины эффективны при прямом попадании. По кабине же вертолета бьют снизу. Пуля, попади она в бронежилет, срикошетит в голову летчика или ударит по приборам в кабине, или ранит-убьет другого члена экипажа; а попадет под бронежилет и так же срикошетит... нетрудно представить, что она сделает с телом летчика. Кабину же пилоты часто защищают специальными внешними бронещитами, от которых, рикошетя, пули уходят в небо. Примерно то же можно сказать и о «соколином наморднике».

А бак теперь пулей трудно пробить. После случая с вертолетом Константинова баки стали внутри прорезинивать. Пуля может и пронзить его, не увязнув в тягучей защите, но резина затягивается и не дает вытекать керосину.

ПОЛЕТ НАД НОРОЙ СУРКА

В день по инструкции пограничным вертолетчикам в Чечне положено делать не больше шести взлетов-посадок. Сейчас это в основном соблюдается. Но ребята вспоминают, что были времена, когда взлетали и садились по 20, а то и по 24 раза! Но зачастую «за глаза» хватает и шести. Летчик Алексей рассказал, что иной раз (а эти «иные разы», когда есть погода, случаются едва ли не каждый день) «вернешься на Гизель и ничего уже не хочешь! Выпьешь полстакана водки – и сваливаешься спать без задних ног. Пушка у уха выстрелит, сосед громче громкого храпеть будет – не проснешься!»

– Бывает, посадишь в Тусхарое вертолет в шестой раз, – подтверждает и Андрей, – вылезешь из кабины и не только чувствуешь, но и видишь, как руки трясутся, даже прячешь их, чтобы никто не видел. «И как нынче в горах не свалился?!» – думаешь.

Водка – это как своеобразное успокоительное, «таблетка» для снятия максимального «летного стресса», который редко кто другой так часто испытывает. Полстакана – это, скажем так, средняя «адекватная доза». Но если кто-то подумал, что летчики в Чечне только тем и занимаются, что беспробудно «квасят» между полетами, тот весьма заблуждается. «Иной раз вроде много в глотку зальешь, а она тебе – как вода, совсем не чувствуешь, выходит она из нас, что ли?!», – говорит Алексей. Наверное, поэтому они, сколько б и до которого часа ночи ни «злоупотребляли», в 6 утра всегда, как огурчики, к полету готовы. И удивительно – перегаром ни от кого не разит. А еще более удивительно то, что как-то медики их «на это дело» с утра пораньше проверяли. «Что, доктор, – в ожидании «приговора» шутили некоторые, – в моем организме крови не обнаружено, один спирт?» – «Да нет, совсем даже наоборот», – серьезно отвечали врачи. Но по большому счету, как заметил тот же Алексей, «накануне выполнения задания мы никогда не нажираемся».

Но мыслей «бросить на фиг эту работу» не возникает ни у кого... На Гизели есть метеоролог Михалыч, он там как Бог для летного состава, от которого зависит: летать, не летать сегодня «вертушкам». А по совместительству – скульптор. Как-то во время дождя из вязкой аэродромной грязи он вылепил сурка (размером, может, с литровую банку). Отличительная особенность этого глиняного животного в том, что Михалыч приделал ему... огромный фаллос, который вываял с особой любовью. Когда летчики, придя на поле, видят в окошке кунга метеослужбы этого «сурка с набалдашником», они уже знают: значит, погоды в горах нет и полетов сегодня, возможно, вообще не предвидится. На аэродроме царит какая-то суета, у всех наземных служб всегда есть дела. Но двигатели «вертушек» молчат, лопасти понуро свисают к земле. Погоды может не быть и день, и три (как-то на Тусхарой с шефской помощью занесло шоумена Леонида Якубовича, так он неделю в палатке прожил, дождь пережидал)... И тогда – тоска зеленая, от самых рассмешных анекдотов смеяться не хочется!.. Потому что в полет жуть как тянет! «Даже если сутки-двое не летаешь, – уже успеваешь по небу соскучиться», – говорил мне едва ли не каждый вертолетчик на Гизели.

Аргунское ущелье – Москва.

«А ПОРОХ ПРИДУМАЛИ КИТАЙЦЫ...»

Уважаемая редакция!

Читаю наш журнал одиннадцатый год, а вот написать решил только сейчас. В августовском номере (2005 год) на стр. 42 наткнулся на небольшую заметку под рубрикой «Мнение». В ней г-н В. Замятный хотел «сказать о морально-этических аспектах использования «боевого опыта бывшего противника» в современном оснащении нашей армии». Я понял так, что г-на Замятного коробит «обмундирование, сильно напоминающее то, что использовалось Waffen-SS», в которое были одеты ребята, закрывшие собой детей Беслана от пуль выродков. Патриот хренов!!!

Сам я – кадровый офицер, служу 23-й год. Что сразу вспомнилось после прочтения – брызгающее слюной раскрасневшееся лицо преподавателя кафедры истории КПСС, который увидел у меня фотографию, сделанную во время одного из занятий по тактике (1984 год). Его взбесили закатанные рукава наших «хэбэшек» (температура воздуха была под сорок – лето все-таки). Тот тоже что-то кричал про СС. В таком случае обыкновенный пиджак и рубашка с галстуком – далеко не русское изобретение, а порох придумали китайцы!

Законы природы, как это ни странно для вышеупомянутого автора, едины и для фашистов, и для коммунистов. Ту-144 похож на «Конкорд», «Буран» – на американский «Челнок». И все это следствие влияния законов аэродинамики. Что плохого в использовании боевого опыта (пусть даже это будет боевой опыт врага)? Если немцам удалось разработать хороший камуфляж, то надо использовать его хотя бы потому, что он хороший? А господину В. Замятному хотелось бы порекомендовать внимательно посмотреть на шлемы солдат армии США – неужели он до сих пор не заметил явного сходства?

«Грузин» (позывной), г. Ростов-на-Дону.

«СПЕЦНАЗОВСКУЮ» СМЕНУ РАСТИМ САМИ...

В № 8 «Солдата удачи» за 2005 год прочитал материал подполковника С. Титаренко «Штандарты Победы» – для вас, молодых!», где говорится о военно-патриотическом воспитании. Считаю эту тему очень важной и хочу поделиться некоторым опытом.

Я являюсь начальником штурмового отделения отдела специального назначения (ОСН) Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции России по Орловской области, и по долгу службы мне часто приходится сталкиваться с различными фондами, объединениями, обществами и т.д. Нужно признать, что клубов, работающих с детьми, к сожалению, не так уж много. Наш отдел имеет тесные связи с городским Центром спорта и искусства «Атлант», руководимым В. Романовым. Одним из направлений деятельности центра является военно-патриотическое воспитание молодежи. И вот мы в содружестве с «Атлантом» при поддержке начальника нашего управления и командира отдела открыли военно-патриотический клуб «Спецназ Юниор». Вообще-то он существовал уже больше года, но до регистрации все руки как-то не доходили, и, только столкнувшись с этим делом, я понял, что для хождений по кабинетам нужно иметь «стальные нервы»... В конце концов клуб удалось зарегистрировать минувшим летом.

Председателем является старший инструктор нашего ОСН, мастер спорта по рукопашному бою Е. Гуняев. В клубе занимаются около тридцати мальчишек и девчонок из разных школ города, среди них есть дети сотрудников нашего управления. Единственным условием зачисления является желание ребенка. Занятия с ребятами проводят сотрудники отдела, которые не раз были в «горячих точках» и имеют богатый боевой опыт. В том числе и начальник ОСН – человек, за плечами которого пять командировок в «горячие точки» (еще будучи курсантом военного училища, он был в Сумгаите во время известных событий). Имеет несколько правительственных и ведомственных наград.

А недавно во время занятий на базе ОСН к нам в класс заглянул заместитель начальника управления полковник А. Гнездилов, и мы попросили его выступить перед детьми. Надо было видеть, с каким увлечением слушали они его рассказ о людях, геройски погибших во время освобождения г. Орла от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, чьими именами названы городские скверы и площади.

Занятия с детьми проводятся по ряду дисциплин – физической, тактической, высотной, огневой подготовке, по уставам. Все темы мы продумываем с таким расчетом, чтобы они были интересны ребенку, увлекали его, поэтому в занятия вводится элемент игры, соревнования.

Воспитывая и обучая ребят, мы начинаем потихоньку к ним присматриваться и думать о недалеком будущем, когда некоторым бойцам придет пора уходить на пенсию. Нужно заранее искать им замену, и где, как не здесь, в нашем клубе, лучше всего готовить ее? Тем более что стать спецназовцем мечтает практически каждый мальчишка. А бывает так, что некоторые люди проносят эту мечту через всю жизнь, так ее и не реализовав... Здесь же все в руках самих ребят, только нужно проявить себя.

Сейчас у нас очень много планов как близких, так и далеко идущих. И я надеюсь, что эта статья для кого-нибудь послужит призывом к действию. Буду очень рад. Ведь кто, как не мы сами, должен воспитывать наше молодое поколение и готовить себе достойную смену?

Капитан Э. Титов, постоянный читатель «Солдата удачи».

«Служу Отечеству и спецназу!..»

Михаил БОЛТУНОВ
Фото из архива автора

(Продолжение. Начало в № 3)

«УВИДЕВ НАС, ДУБЧЕК ЗАПЛАКАЛ...»

А пока ему, как заместителю начальника, предстояло войти в курс дела. Шефом у Лазаренко был легендарный разведчик генерал-майор Родин. О нем еще Аллен Даллес писал в своей книге «Искусство разведки». Правда, фамилия там у Родина другая. Но это не меняет сути дела.

Отдел делился на направления: первое, второе, третье, оперативно-техническое, спецопераций и связи.

На отдел замыкалась бригада специального назначения, состоящая из 6 полков. Правда, полки были полностью кадрированные и разворачивались по полному штату только в военный период.

Еще в подчинении начальника 13-го отдела – ныне достаточно известные курсы переподготовки офицеров КГБ в Балашихе, так называемый КУОС.

Александру Ивановичу поручили курировать техническое направление.

Вот как он сам рассказывал о своей работе.

«Не стану хвастать, но судите сами. За свои труды я получил Государственную премию СССР в области науки и специальной техники.

Вот, к примеру, пистолет, назовем его «ВУЛ». Долго мы работали над ним, но могу с уверенностью сказать – получился шедевр. Убойная сила, как у пистолета Макарова, а бесшумность абсолютная.

Я как-то показал этот пистолет бывшим своим коллегам из ГРУ, те за голову схватились. Они что создали – макаровский пистолет с глушителем. Но он все равно издает шум. А в нашем все патроны в пистолете остаются.

Когда я был на Кубе, с разрешения начальника ПГУ Крючкова показал этот пистолет местным спецназовцам. Их бригадный генерал два раза выстрелил и побежал к Фиделю показать оружие.

Создали и мину нового принципа действия. Название мы ей дали музыкальное, красивое. Какое, не скажу. Так вот, там шариковый замыкатель. Положил ее, чуть сдвинул – и взрыв. Кстати, начальник ГРУ Ивашутин просил у нас эти мины».

Разумеется, заниматься приходилось не только спецтехникой и оружием. Все самые малые военные конфликты, «заварушки», в которых в той или иной мере участвовал Советский Союз, не могли пройти мимо офицеров отдела.

Первой такой «заварушкой» для Лазаренко стала «пражская весна» 1967 года.

■ Провокаторы выкрикивают антисоветские лозунги. Прага. 1967 год

...За несколько дней до ввода войск в Чехословакию, будучи уже в Праге, полковник Александр Лазаренко встретился накоротке с одним из своих чешских агентов. Тот был не на шутку встревожен.

– Что-нибудь случилось? – спросил Лазаренко.

Агент с недоверием посмотрел на московского шефа.

– Войска все-таки вводят...

Ничего не путаешь? – пришло время сомневаться Лазаренко.

– Да нет, не путаю, мне позвонили из Польши.

«Чертовщина какая-то...» – подумал полковник.

Он вспомнил прилет в Прагу председателя Совета Министров СССР А. Косыгина, их встречу в посольстве.

Главком ГСВГ маршал Иван Якубовский, генерал КГБ Иванов, он – Лазаренко – и еще два офицера. Косыгин внимательно выслушал каждого из них. Все были едины во мнении: войска вводить нецелесообразно. Маршал Якубовский поддержал их.

Косыгин поблагодарил генералов и офицеров и пообещал доложить их мнение на Политбюро ЦК.

Но, кто знает, доложил ли он, да и вообще что там произошло, на заседании Политбюро, – трудно сказать.

Теперь уже известно, что решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС и получило одобрение остальных представителей компартий, стран – участниц вторжения. Эта встреча состоялась в Москве 18 августа.

В ночь с 20 на 21 августа войска Советского Союза, Венгрии, ГДР, Польши и Болгарии вступили на территорию Чехословакии. Однако четкое и быстрое осуществление военной операции не было поддержано мерами политического характера.

По существу, политикам не удалось добиться намеченного – президиум ЦК Компартии Чехословакии так и не обратился к государствам – участникам Варшавского договора за помощью, марионеточное правительство не было создано, партийный съезд состоялся, и он осудил вторжение. Не получилось также справиться и с пассивным сопротивлением народа.

Член Политбюро ЦК КПСС К. Мазуров, прибывший в Прагу под именем генерала Трофимова, телеграфировал в Москву: «Правые активизируются, левые пассивны... Предлагаем еще раз переговорить с Дубчеком и Черником. Вечером может быть поздно, и в Праге дойдет до настоящих сражений».

Положение усугублялось тем, что акция вооруженных сил пяти государств расценивалась большей частью стран мира как агрессия. Ее осудили фактически все крупнейшие компартии, в том числе итальянская и французская.

Событиями в Чехословакии были встревожены Югославия и Румыния. Правда, США и многие западные страны «пражскую весну» считали домашней разборкой на собственной коммунистической кухне и избегали открытого вмешательства в дела региона.

13-й разведывательно-диверсионный отдел Первого Главного управления КГБ принимал самое активное участие в пражских событиях. Да иначе и быть не могло.

Еще 2 мая 1968 года замначотдела Александра Лазаренко вызвал к себе начальник ПГУ генерал-полковник Сахаровский.

Приказ звучал коротко: «Бери своих ребят, все, что нужно для работы, и сегодня же в Прагу».

Еще не было московских переговоров, в ходе которых Дубчек пытался убедить Брежнева, Подгорного и Косыгина воспринять события в Чехословакии как поиск путей совершенствования системы, устранение пережитков сталинизма. Еще министр иностранных дел И. Гаек не услышал от А. Громыко упрека в том, что в Чехословакии контрреволюция поднимает голову. Еще не состоялась в столице СССР встреча пяти руководителей восточно-европейских компартий, обсуждавших положение в Чехословакии. Все это еще будет, но 13-й отдел КГБ уже летел в Прагу.

Не обошлось и без курьезов. Один из сотрудников отдела был прилично пьян. Все-таки 2 мая – праздник. Пришлось «загрузить» его в машину, потом в самолет. Пока летели, протрезвел.

Протрезвели и остальные, хотя и не пили. Обстановка развивалась стремительно и ухудшалась с каждым часом.

Военные развернули штабные учения «Шумава», политики пытались найти выход из создавшегося положения. Все чаще звучали речи о военной помощи Чехословакии.

Еще был свеж в памяти 1956 год, Венгрия, когда по советским солдатам и офицерам стреляли с крыш, с чердаков зданий, из подвалов. Потери исчислялись сотнями военнослужащих.

Ничего подобного нельзя было допустить в Чехословакии, дабы не пролить крови ни с той, ни с другой стороны.

Но как это сделать, если невдалеке от пражского аэродрома развернута танковая дивизия Чехословацкой народной армии. В соединении 450 танков. Мощная сила! Как поведут себя танкисты в случае конфликта, на чьей

стороне они будут? На этот вопрос не брался ответить никто. Стало быть, выход единственный – ни один танк не должен двинуться с места.

Пригласили в посольство министра обороны Чехословакии Мартина Дзура. Предупредили: как бы ни развивались события, дивизия должна оставаться в местах постоянной дислокации. Дзур дал слово, что ни один танк не двинется с места.

Так, собственно, и случилось. Не отдай этот приказ Дзур, «пражская весна» могла бы закончиться жертвами и кровью. К счастью, этого не произошло.

Как известно, в первоначальном варианте никто не собирался интернировать в Советский Союз Дубчека и его окружение. Москва видела Дубчека в отпуске, в это время из Президиума ЦК КПЧ выводились несколько наиболее «несговорчивых» деятелей, в результате чаша весов склонялась в сторону промосковской группировки. Потом сам Дубчек, опираясь на помощь союзных войск, наводит в стране порядок.

Увы, жизнь разыграла иной сценарий. Был получен приказ доставить Дубчека и его соратников в Москву. Выполнять приказ пришлось полковнику Лазаренко и его подчиненным.

Весь рассказ об этом укладывается у Александра Ивановича в несколько предложений. «Вместе с десантниками я вошел к нему в кабинет. Увидев нас, Дубчек заплакал. Ну что, вывели, посадили в бронетранспортер и отправили в Польшу, оттуда в Москву. Вот и все...»

Сегодня в России негативно оценивают ввод союзных войск в Чехословакию. Действительно, было сделано много ошибок, нанесен удар по престижу нашей страны. Отвергая любые силовые методы разрешения международных конфликтов, тем не менее нынешним политикам следует взять из «брежневского коммунистического арсенала» одно весьма нужное качество – стремление жестко отстаивать интересы своей страны.

Пусть брежневское Политбюро делало это «тоталитарно неуклюже», однако оно это делало.

В июле 1968 года во время переговоров в Чиерне-над-Тиссой лидеров КПСС и КПЧ Предсовмина Косыгин сказал: «Осознайте, что ваша западная граница представляет собой нашу границу».

Возможно, кто-либо скажет, что от этих слов веет духом застойного времени. Возможно, но тогда хочется спросить: «А где сегодня наша западная граница?» Смею напомнить: у стен Смоленска, господа.

УБРАТЬ ПРЕДАТЕЛЯ...

Надо признать, что 13-му отделу не везло. В 1954 году на Запад сбежал сотрудник отдела капитан Николай Хохлов, которому было поручено уничтожить одного из лидеров Народно-трудового союза (НТС) Георгия Околовича, в 1961-м в ФРГ сдался властям агент отдела Богдан Сташинский, признавшийся в убийстве Льва Ребета и Степана Бандеры, через десять лет из лондонской резидентуры скрылся капитан Олег Лялин, завербованный английской МИ-5.

В Праге стреляли по советским автомобилям и поджигали танки

Ни с Хохловым, ни со Сташинским полковник Лазаренко, к счастью, знаком не был, а вот Лялина знал.

На допросе в британских спецслужбах Лялин наболтает такого, что и в страшном сне не приснится. Якобы тот самый отдел, в котором ему пришлось служить, готовил диверсии в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Бонне, Риме. Особенно он упирал на Англию. Мол, советские чекисты собиралась затопить лондонское метро, взорвать станцию раннего оповещения о ядерном ударе в Северном Йоркшире, уничтожить стратегические бомбардировщики, а также другие военные объекты.

Эти дикие факты тем не менее были положены в основу обвинения Советского Союза в подрывной деятельности на территории Великобритании, и правительство Эдуарда Хита пошло на беспрецедентный шаг – выслало из страны 105 советских дипломатов. Разумеется, среди них было немало и разведчиков. Благодаря усилиям предателя Лялина британские спецслужбы нанесли мощный удар по лондонской резидентуре.

Газета «Правда» в сентябре 1971 года писала: «В шпионаже клеветнически обвиняют работников советского посольства, торгпредства, Совэкспортфильма, Интуриста и т.д. Но и этого мало. «Ньюс оф уорлд», расписывая «смелые и действенные меры» консерваторов, требует немедленно ополчиться против «сотрудников» посольств восточноевропейских стран.

«Санди телеграф» откровенно называет в качестве новых мишеней британских властей посольства Чехословакии, Польши, а также Египта и Ирана...»

До сих пор, как только в российской печати появляются публикации о предателе Олеге Лялине, сразу же возникают два утверждения. Первое – после побега Лялина отдел претерпел большую чистку, а некоторые авторы убеждают нас, что он и вовсе был закрыт, и второе – якобы взбешенный председатель КГБ Юрий Андропов приказал ликвидировать предателя. Только вот почему он был не ликвидирован – неизвестно?

Что ответить на эти утверждения? Да, действительно, предательство Лялина нанесло большой вред как нашей дипломатии, так и разведке.

В одном из своих интервью генерал Юрий Кобаладзе, бывший в начале 1990-х годов руководителем пресс-службы внешней разведки России, прокомментировал ситуацию с Лялиным следующим образом:

«Впервые в истории взаимоотношений Советского Союза и Англии была предпринята акция, когда выдворили сразу 105 человек. В практике международных отношений такого не существовало. Разведслужбы есть почти во всех странах мира, и, естественно, бывали случаи, когда кого-то ловили с поличным. Были и скандалы. Но, как правило, это делалось тихо — просто высылали из страны. А тут сразу огромное количество высланных, причем не все из них имели отношение к разведке.

...На самом деле чем он (Лялин) был опасен — своей принадлежностью к подразделению «В». И, конечно, он там страсти-мордасти порассказал».

Сам же Александр Иванович Лазаренко о побеге Лялина и его последствиях вспоминал так:

«Вот пишут теперь кому не лень, мол, после побега предателя Лялина отдел пострадал, его расформировали. Да, никто его не расформировывал. Просто стал называться по-другому — 8-м отделом. Убрали одного из замов начальника отдела — Василия Власова. И правильно сделали.

Разумеется, Олег Лялин теперь не кто иной, как борец с коммунизмом и тоталитаризмом, который сражался, как герой, за светлые идеи демократии. А на самом деле он просто предатель, иуда.

Но дело в том, что предателя Лялина и последующей трагедии с высылкой 105 советских дипломатов и разведчиков могло не быть.

Однажды на имя начальника Первого Главного управления генерала Сахаровского приходит письмо. Пишет ему наш ветеран КГБ из второго Главка: «Капитан Лялин в разведке работать не может. Он бабник и болтун».

Оказывается, этот ветеран был отцом любовницы Лялина. Тот часто наведывался в их дом, напивался и хвастался: «Не смотрите, что я капитан. Я большой человек, разведчик-агентурщик». И далее его обычно несло, как Остапа Бендера.

Ветеран наш хоть и был старенький, уже 84 года, слушал-слушал да и не выдержал: написал письмо Сахаровскому. Все рассказал. Поручили эту жалобу проверить полковнику Василию Власову. Он поехал к ветерану, побеседовал. И вместо того чтобы прислушаться к мнению, серьезно разобраться, отмахнулся, а на письме этак высокомерно черкнул свое заключение: «Бред сивой кобылы». И отправил в архив.

А когда вскоре Лялин сбежал, сдал четверых наших ценных агентов, да еще 105 человек выслали из страны, письмо извлекли из архива и припомнили Власову этот «бред».

Мы ведь читали распечатку допроса Лялина там, в Англии. Он обо всех сотрудниках отдела рассказал: и о Филимонове, и о Ботяне, а меня назвал «хитрым хохлом». Так что все у нас было, все знали. И достать его могли. Разведали, где прячется...»

Помнится, слушая Лазаренко, я тогда искренне удивился:

— Так почему же не достали?

Александр Иванович отрицательно покачал головой.

— Вы что сотрудников разведывательно-диверсионного отдела КГБ представляете себе как неких «свободных стрелков»? Захотели — убрали, не захотели — помиловали.

Выезд на боевую операцию. А. Лазаренко (слева)

Да, я всегда считал, что предатель должен отвечать за свои преступления, за страдания, а то и гибель преданных им товарищей. И мы писали Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу. До сих пор помню этот конверт. Гриф «Секретно. Особой важности» на письме, красная полоса — никто, кроме адресата, вскрывать не мог.

Но Леонид Ильич не дал «добро». Он вообще не был сторонником таких методов. А так ведь у нас все было подготовлено — и соответствующий нелегал, и оружие...

...Почти четверть века после своего предательства прожил Лялин в одном из английских графств. А в 1995 году тихо скончался на 58-м году жизни.

Что поделаешь, приходилось заниматься и такими людьми — предателями, террористами, убийцами. Разгребать их грязные дела. Особого удовольствия подобная работа не приносила. Но работа была крайне необходимой. Сегодня, в период необычайного разгула терроризма, это становится особенно очевидным.

Полковник Александр Лазаренко был одним из тех, кто по сути первым принял удар террористов, оценил всю опасность этого явления и готовил адекватный ответ.

Итак, 1970 год. Человечество еще не осознало опасность «чумы XX века». До мюнхенского кошмара Олимпиады-1972 целых два года. Только Израиль в 1968 году в ответ на захват палестинскими террористами «Боинга-707» авиакомпании, «Эль-Ал» провел операцию «Подарок» и уничтожил 13 авиалайнеров в Бейрутском международном аэропорту. Но это было воспринято мировым сообществом, как очередной виток арабо-израильского противостояния.

А мир тем не менее стоял на пороге эры воздушного терроризма.

В СССР в ту пору террористические акты были редкостью, а уж о захватах самолетов никто и не помышлял.

Однако такой захват случился. В 1970 году в Советском Союзе.

Террористы отец и сын Бразинскасы бандитски захватили самолет, совершавший полет по маршруту Батуми — Краснодар. Они убили юную девятнадцатилетнюю бортпроводницу Надю Курченко, ранили двух членов экипажа и принудили командира корабля совершить посадку в Турции, в городе Трабзоне.

Ничего подобного прежде не происходило в нашей стране. Это был первый угон самолета в другое государство, да еще с такими трагическими последствиями. Советский Союз был в шоке.

И тогда сотрудниками отдела была разработана операция по уничтожению террористов Бразинскасов.

О том, как она готовилась и осуществлялась, рассказал мне сам Лазаренко:

«Знаете, тот террористический акт, убийство Нади Курченко потрясли

нашу страну. К тому же он послужил дурным примером для других бандитов. Террористы, захватившие самолет в Грузии в 1983 году, что потом говорили на суде? Когда их спросили, почему они поступили так жестоко, не предъявляя никаких требований, пять раз выстрелили в лица пилоту Шабартяну, три раза в пилота Плотко, убили бортпроводницу, они ответили: мол, тихо, по турпутевке, не собирались уезжать в Турцию и там оставаться. Ссылались на Бразинскасов, что вот убили Надю Курченко, так их там с распростертыми объятиями приняли.

Так оно и было. Несмотря на все требования нашей страны, Турция не выдала нам террористов-убийц.

Наш отдел тщательно разработал операцию по уничтожению террористов.

Бразинскасы жили на вилле под Стамбулом. Всюду ходили вместе – в город, на рынок. Вот там, на рынке в Стамбуле, мы и решили провести операцию.

■ Полковник А. Лазаренко вручает грамоту сержанту-спецназовцу

В Москву был вызван агент. Я работал с ним сам. Сначала предполагалось, что он уберет террористов из бесшумного пистолета, но потом от этой идеи отказались. Решили использовать микропулю. Специальное устройство зашили в подошвы туфель. Он поднимал ногу и делал бесшумный выстрел. Важно было просто попасть в террориста. Пули были отравлены и вскоре сделали бы свое дело.

Спасли террористов-убийц Бразинскасов... спецслужбы США. Они, заметая следы, вывезли их сначала в Италию, потом в Венесуэлу и наконец в Америку. Есть о чем задуматься, не правда ли?»

Да, это истинная правда.

«АФГАНИСТАН» ИЛИ «АВГАНИСТАН»?

В 1979 году полковнику Александру Лазаренко исполнилось 57 лет. Возраст вполне солидный, чтобы с чувством исполненного долга уйти на покой. Послужил он Отчизне немало, правда, на пенсию пока не собирался – были еще силы, здоровье и, что самое важное, опыт.

Однако скажи кто-либо в те годы, что впереди у него еще одна война – не поверил бы. Великой Отечественной хватило за глаза... Но, как говорят, человек всего лишь предполагает...

В том же году, еще до ввода наших войск, Лазаренко послали в Кабул. Глава Афганистана Хафизулла Амин «бомбардировал» Москву постоянными просьбами об экономической и военной помощи, просил ввести советские войска на территорию страны для обеспечения независимости и защиты завоеваний Апрельской революции.

Следовало прояснить некоторые вопросы, и руководство Первого Главного управления командировало в Афганистан Александра Ивановича. Вопросы он свои прояснил и даже встретился с Амином. Однако встреча эта, говоря языком дипломатов, «на высоком государственном уровне» оставила тяжелое впечатление.

«Моя первая командировка в Афганистан, – вспоминал позже Лазаренко, – *состоялась в мае 1979 года. Амин принял меня, мы долго разговаривали с ним. Помню, удивленный некоторыми его декретами спросил: «Товарищ Амин, вы издали несколько декретов, паранджу ликвидировали, недовольство вызвали. Стоило ли это делать?»*

Амин отмахнулся: «Какая паранджа? Мы скоро атомную бомбу будем иметь».

Страна в средневековье живет, всюду поразительная бедность, темнота, безграмотность, а он – атомная бомба».

Уезжая тогда из Кабула, полковник Лазаренко и представить себе не мог, что через год с небольшим он вновь вернется сюда. Только не для дружеских бесед с Амином, а на войну.

В декабре 1979-го воспитанники курсов переподготовки офицерского состава КГБ (КУОС), объединенные в подразделение «Зенит», вместе с группой «Гром» при поддержке десантников и так называемого «мусульманского батальона» захватят дворец Амина и другие важнейшие государственные и правительственные объекты в Кабуле. В ходе штурма дворца погибнут начальник КУОСа полковник Григорий Бояринов и еще несколько офицеров. Бояринов посмертно будет удостоен звания Героя Советского Союза.

Вместе с бойцами «Грома» и «Зенита» в рядах идущих на приступ дворца Тадж-Бек будет действовать помощник начальника разведывательно-диверсионного отдела капитан 2 ранга Эвальд Козлов. Он также получит Золотую Звезду Героя.

Руководил и координировал действия спецназовцев начальник управления «С» (нелегальная разведка) генерал-майор Юрий Дроздов.

Так их 8-й отдел и подчиненные ему подразделения вступили в девятилетнюю афганскую войну.

Фронтовик полковник Лазаренко знал: война живет и развивается по своим законам. А это значит, что там, «за речкой», необходимы их подразделения. У армии на войне свои задачи, у спецслужб – свои. И им не обойтись друг без друга.

Так, собственно, и случилось. Едва успел вступить в свои права новый, 1980 год, как начальника отдела и его, Лазаренко, вызвал к себе руководитель Первого Главного управления Владимир Крючков.

Оказывается, руководством страны принято решение развернуть до полного штата бригаду особого назначения КГБ СССР. Офицеры этой бригады должны были организовать эффективную агентурную и оперативную работу, оказать помощь в создании местных органов безопасности и, разумеется, быть готовыми к проведению спецмероприятий против врагов нынешней афганской власти.

Лазаренко слушал Крючкова и чувствовал, как нарастает его внутреннее волнение: легко сказать – развернуть бригаду... Да это же несколько тысяч офицеров-оперативников. А где их взять?

На местах, в областных управлениях у них была совсем другая работа. Тоже важная, напряженная, но все-таки в условиях мирного времени и на своей

территории. А там война. Это значит все иное – задачи, ритм работы, уровень опасности, местное население – афганцы, которых мы совсем не знаем, их обычаи, традиции, язык, история.

Он вспомнил, как недавно один из его подчиненных в шутку спросил: «Александр Иванович, а как правильно писать: «Афганистан» или «Авганистан», через «фэ» или через «вэ». Откровенно говоря, он тогда едва сдержался. Только сдается, таких сотрудников по необъятному Советскому Союзу немало. И других у нас просто нет.

Тем временем закончив рассказ о задачах бригады, начальник ПГУ подвел итог:

– Командовать этой бригадой и выполнять столь непростые задачи поручено вам...

И он назвал фамилию начальника отдела.

– Вы опытный разведчик, оперативных знаний не занимать, вам и карты в руки.

Лазаренко видел, как побледнел его шеф, услышав собственное имя. Однако Крючков этого не заметил. К сказанному он весомо добавил:

– С Юрием Владимировичем Андроповым ваша кандидатура согласована. Здесь, в Москве, на хозяйстве вместо вас останется полковник Лазаренко.

Повисла пауза. Крючков, видимо, был уверен, что сейчас услышит четкое по-военному «есть» или более демократичное чекистское «все понятно, разрешите выполнять», но не тут-то было.

Начальник спецотдела со вздохом развел руками.

– Владимир Александрович, – обратился он к Крючкову, – поймите правильно, если соглашусь на это назначение, боюсь повредить делу. Войсковыми операциями я не занимался, оперативно-боевыми подразделениями тоже не руководил. Так что...

Генерал замялся. Да и продолжать не имело смысла. Все было ясно. Шеф спецотдела просто струсил.

Крючков молчал, в упор глядя на начальника отдела. Чувствовалось, что он едва сдерживает гнев. Начальник ПГУ перевел холодный взгляд на Александра Ивановича:

– Вы тоже боитесь навредить делу?

– Боюсь, – ответил Лазаренко, – но от дела не отказываюсь.

– Тогда вы, – бросил Крючков начальнику спецотдела, – свободны. А вы, Александр Иванович, останьтесь.

Начальник ПГУ сидел молча, не проронив ни слова. Молчал и Лазаренко. Он понимал «большого шефа»: тяжело вдруг сделать открытие, что много лет рядом с тобой работал трус и в нужную минуту он просто бросил тебя.

■ **А. Лазаренко (в центре) среди «каскадеров» в Афганистане**

Потом Крючков поднял трубку и позвонил председателю КГБ Андропову, пересказал разговор с начальником спецотдела. Когда их беседа была окончена, он, обращаясь уже к Лазаренко, сказал:

– Вы назначены. Юрий Владимирович утвердил вашу кандидатуру.

Крючков встал и протянул руку. Взгляд его потеплел.

– Александр Иванович, начинаете, по сути, с нуля.

Лазаренко кивнул:

– Понимаю...

– И еще, – Крючков задержал его ладонь в своей руке, – учтите, Афганистан – это...

Начальник ПГУ задумался, словно подбирая нужное слово, а у Лазаренко мелькнуло: да уж, Афганистан – не Буэнос-Айрес.

А Крючков лишь улыбнулся:

– Вот вернетесь оттуда и расскажете мне, что такое Афганистан.

«Отчего же не рассказать, – подумал Лазаренко, – только когда это будет?»

ОСОБАЯ ТЕРРИТОРИЯ НА КАРТЕ ПЛАНЕТЫ

С чего начал полковник Александр Лазаренко свою деятельность в качестве командира бригады специального назначения? С того что доложил начальнику управления генералу Юрию Дроздову о нецелесообразности развертывания бригады по полному штату.

Руководство выслушало его и с доводами согласилось. Решено было создать сводный отряд, который Лазаренко предложил назвать «Каскад». Состав – тысяча человек.

Вскоре отряд сформировали и перебросили в Фергану, на базу 105-й воздушно-десантной дивизии ВДВ. Здесь бойцы «Каскада» проходили доподготовку, готовились к действиям в Афганистане.

Своя доподготовка была и у командира. Уже первые шаги по осмыслению роли отряда, его тактики, оперативной деятельности показали: первая «горячая», еще не оформившаяся мысль о том, что «Афганистан – не Буэнос-Айрес», верна и точна.

Но что делать после осознания этой верной и точной мысли? Изучать опыт. К тому же опыт не европейский, а по большей мере среднеазиатский. Например, опыт борьбы с басмачами.

Позже Александр Иванович скажет: «Я собрал соответствующие материалы со всего Советского Союза. Даже историю и методы работы ЧОН изучал. Ибо в Афганистане классические методы разведки не подходили».

Помнится, тогда в одной из работ Лазаренко прочитал: «Через горные перевалы, через выжженные солнцем пустыни шли верблюжьи караваны из-за кордона. В тяжелых тюках были упакованы винтовки, пулеметы, ящики с патронами. Действия басмачей сопровождались жестоким террором, принимавшим изуверские формы».

Как часто потом в Афганистане командир «Каскада» станет вспоминать эти строки. Они окажутся похожи на сообщения из его собственных донесений в Центр. Словно и не было шести десятков лет.

(Продолжение следует)

Пистолет-пулемет ПП-91 КЕДР под пистолетный патрон 9х18 ПМ (57-Н-181С) разработан в КБ Ижевского механического завода оружейным конструктором Евгением Федоровичем Драгуновым, ранее создавшим армейскую снайперскую винтовку СВД.

КЕДР это аббревиатура слов: «Конструкция Евгения Драгунова». Разработка выполнялась в рамках конкурсной госбюджетной темы «Букет», выдвинутой Минобороны в конце 60-х годов прошлого столетия. Целью этой темы было создание оружия самообороны для военнослужащих, участие которых в боевых действиях не связано с непосредственным использованием стрелкового оружия, например для экипажей различного рода боевых машин.

Пистолет-пулемет КЕДР представляет собой оружие, действующее на принципе отката свободного затвора. Затворная коробка и съемная ее крышка выполнены штамповкой из листовой стали. Горловина магазина выштампована заодно с затворной коробкой и расположена впереди спусковой скобы. Рукоятка перезаряжания, являющаяся частью затвора, расположена с левой стороны затворной коробки. Это нетипично для отечественного оружия, но позволяет быстрее взвести затвор и произвести первый выстрел. Плечевой упор пистолета-пулемета откидной, укладываемый на крышку затворной коробки сверху поворотом вверх-вперед. Прицельные приспособления представляют собой регулируемую по высоте мушку и перекидной целик в виде угольника, одна сторона которого имеет отверстие диоптра, а другая прорезь. При откидывании плечевого упора целик автоматически устанавливается в положении диоптра, что удобно при коротком плечевом упоре. При складывании последнего целик поворачивается на 90 градусов. Для прицеливания служит прорезь.

Питание патронами производится из коробчатых магазинов емкостью на 20 или 30 патронов с шахматным расположением и двухрядным их выходом. Стрельба ведется с переднего шептала, разбитие капсюля патрона производится курковым ударно-спусковым механизмом. Такое устройство используется тогда, когда конструктор стремится обеспечить возможность производить точный первый выстрел. Кроме этого, курковый ударно-спусковой механизм при определенных его параметрах способен несколько снижать темп стрельбы за счет включения во временной цикл работы автоматики времени движения (или, как оружейники говорят, «падения») курка. Режим стрельбы – одиночным огнем или очередями – останавливается флажковым переводчиком-предохранителем, расположенным на правой стороне затворной коробки над спусковой скобой. Стреляные гильзы отражаются вправо-вверх. При постановке оружия на предохранитель блокируются затвор и спусковой крючок.

После испытаний образцы, разработанные по теме «Букет» под пистолетный патрон ПМ 57-Н-181С, были признаны непригодными для армии, так как эффективная дальность их использования не превышала 50 метров. Тема «Букет» была закрыта, и работы над подобным оружием надолго прекращены.

Сложившаяся с начала 90-х годов прошлого столетия криминогенная обстановка в стране потребовала активизации контрмер со стороны неармейских силовых структур. Жизнь показала, что армейское стрелковое оружие, которым вооружены подразделения МВД, ФСБ и т.п., не всегда соответствует выполняемым задачам. Специальное оружие требуется и для охранных ведомств, таможенных и налоговых служб. Разработкой такого оружия в начале 90-х годов прошлого столетия активно занялись оружейные конструкторы Тулы, Коврова и Ижевска.

Работы над пистолетом-пулеметом КЕДР ПП-91 были продолжены на Ижевском механическом заводе, но уже по заказу МВД РФ. Руководство этими работами осуществлялось сыном Е.Ф. Драгунова – дипломированным оружейным инженером и кандидатом технических наук Михаилом Драгуновым. Задача сводилась к доработке ПП-91 под появившийся тогда патрон 9х18 ПММ. Патрон ПММ представлял собой патрон пистолета ПМ с увеличенным на

9-мм пистолет-пулемет

ПП-91 КЕДР

30% баллистическим импульсом. Новый образец получил наименование ПП-9 «Клин». Внешне и по устройству КЕДР и «Клин» совершенно идентичны. Доработке подвергся только тракт досылки патрона в патронник, поскольку коническая пуля патрона ПММ приводила к частым задержкам из-за перекопатрона. Кроме этого, чтобы уменьшить энергию отката в патроннике, были выполнены канавки, в которые перештамповывалась при выстреле гильза. В откате происходила обратная перештамповгильзы, в результате чего скорость отката снижалась. Однако увеличение мощности патрона ПМ не дало достаточного увеличения дальности стрельбы. Вместе с этим ошибочное применение патрона ПММ в оружии, рассчитанном на меньший баллистический импульс патрона ПМ, приводило к его порче. Патрон ПММ был снят с производства, а разработчики пистолетов-пулеметов были ориентированы на применение международного патрона 9х19.

Под патрон 9х18 ПМ по заказу МВД РФ была произведена доработка ПП-91 для малошумной и беспламенной стрельбы.

Основные характеристики

Калибр и тип патронов	9х18 мм ПМ 57-Н-181С
Вес пистолета-пулемета	
с неснаряж. магазином, кг	1,54
Число патронов в магазине, шт.	20 или 30
Длина, мм:	
с откинутым прикладом	540
со сложенным прикладом	305
Длина ствола, мм	120
Темп стрельбы, выстр/мин	800 – 900

КОМАНДИРСКАЯ «ДОЗА»

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

Фото из архива автора

В истории неоднократно бывало так, что чьи-то преступные ошибки, чья-то халатность рождали массовый подвиг...

«Маленьких» исторических ошибок не бывает. Но они бывают обратимыми и необратимыми. Трагедия, которая произошла двадцать лет назад в результате преступной халатности на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года, когда ради проведения эксперимента была отключена защита 4-го энергоблока, имеет необратимый характер. Ни наше, ни многие будущие поколения больше не смогут жить в той зараженной зоне, где произошел тепловой взрыв ядерного реактора. Период распада некоторых радиоактивных элементов составляет тысячи лет...

С момента катастрофы на Чернобыльской АЭС начался отсчет уже другого времени. Времени, когда людям пришлось усмирять вырвавшийся на свободу «мирный атом». Ликвидация последствий чернобыльской катастрофы стала массовым, народным подвигом XX века. Подвигом, который стоил многим ликвидаторам жизни. Другим – утерянного здоровья. Сегодня можно услышать даже такую мысль, что «этот подвиг был зря», так как Чернобыльская АЭС теперь полностью законсервирована. Нет, не зря. Да, что касается АЭС, повторим, это необратимо. Но обеззаражены огромные участки местности, а самое главное, было сделано все возможное, для того чтобы предотвратить распространение радиации дальше.

Во время ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС у каждого, как на любой войне (а это тоже была своего рода война, и задачи были боевыми), имелось свое место. Предлагаемый вам материал – это взгляд на те незабываемые события глазами кандидата военных наук бывшего командира химической бригады полковника в отставке Геннадия Никитовича Жаворонкова. За участие в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы он награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени и многими грамотами.

Это правдивый и непредвзятый взгляд. Любой командир как лицо, целиком и полностью ответственное за свое соединение, как никто другой мог видеть последствия любых ошибок, халатности. Он может оценить и передать будущим поколениям накопленный боевой опыт. Тот опыт, что стоил жизней.

Название материала – «Командирская «доза» – имеет особый смысл. Это и высочайшая «доза» ответственности, и «энная», в несколько раз превышающая «обычную», доза радиации, и много чего еще... Впрочем, читатель, вы сами все поймете, прочитав этот материал.

ПРОПУСК Ф-2
№ 007493
г. ЧЕРНОБЫЛЬ
НА ПРАВО ВЪЕЗДА В ЗАКРЫТУЮ ЗОНУ
Организация В/Ч 78708
(личная подпись) Ф. Жаворонков
Срок действия до 30.08.19.. г. И. Геннадий О. Никитович
Действителен по предъявлении документа, удостоверяющего личность

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

...10 мая 1987 года в моем кабинете раздался телефонный звонок. Мне позвонил начальник химических войск Московского военного округа полковник Н. Будай: «Завтра в 14.00 инструктаж у командующего войсками округа генерала армии Архипова, форма одежды повседневная вне строя, пропуск заказан. Предстоит поездка в Чернобыль на должность командира 26-й отдельной бригады химической защиты»...

В то время я занимал должность начальника военной кафедры Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева (ныне Российский химико-технологический университет). Особого удивления при известии о предстоящей командировке не испытал: к тому моменту от нашей кафедры в Чернобыле побывало уже 25 офицеров. Но меня смутило одно обстоятельство – я никогда не командовал войсковым соединением. Последняя моя строевая должность перед поступлением в очную адъюнктуру была начальник химической службы мотострелковой дивизии.

...После моего представления командующему тот недовольно сказал полковнику Будаю: «А что больше некого назначить на эту ответственную должность?» – «Нет, – ответил полковник, – смена командования бригады осуществляется практически через каждые два-три месяца. Через Чернобыль прошли все старшие офицеры химических войск всего округа. Настало время привлекать к работе начальников военных кафедр гражданских вузов».

Генерал армии Архипов прочитал краткую справку обо мне. Спросил: «Ну как, доцент и кандидат военных наук, справитесь с порученным делом? Учтите, вас заменят только через три-четыре месяца, даже если вы наберете 300 рентген!»

Коротко ответил, что справлюсь. Командующий только взмахнул рукой: «Все вы так говорите» – и на том беседа закончилась.

...Я менял комбрига 26-й полковника В. Смирнова. По прибытии в бригаду он познакомил меня с командирами батальонов, и мы поехали представляться командующему оперативной группой, командиру особой зоны и начальнику нашего сектора. По пути в Чернобыль пришлось сфотографироваться сразу для четырех пропусков. Оказывается, бригада выполняла боевые задачи на двадцати двух объектах, которые располагались в различных зонах, а вход в них был разрешен по соответствующему пропуску. Самая опасная – «особая зона». Та, где располагалась АЭС. Там уровень радиации был наиболее мощным (этот пропуск вы видите на снимке). Ездить туда мне впоследствии приходилось часто, организуя и контролируя действия своих подчиненных...

Командование оперативной группы ГО в Чернобыле, особой зоны на Чернобыльской АЭС и второго сектора (они расположились в деревне Терехово) отмечало хорошую работу личного состава 26-й отдельной бригады химической защиты. Особое внимание требовали обратить на следующее: в сутки личный состав ликвидаторов не должен получить более 0,5 рад. При достижении 10 рад человек подлежит замене. На прием и сдачу дел мне отводились всего сутки.

...Еще когда мы подъезжали к станции, я отчетливо почувствовал запах йода. Мой сопровождающий сказал: «Это всегда так. Вначале... Затем привыкаешь к этому запаху». Я обратил внимание на то, что он часто кашляет. Офицер ответил, что это ложный ларингит от радиации. Им переболевает весь личный состав бригады...

Сделаем небольшое отступление и вернемся к началу чернобыльской катастрофы. Сейчас многое переоценено заново. Уже в наши дни проходила научно-практическая конференция, в которой я был участником. Были вскрыты недостатки в первый период после аварии. Нисколько не умаляя подвига пожарных, а это действительно был подвиг, мы констатировали факт – лучше бы все в пределах четвертого энергоблока, где произошла авария, сгорело. Для тушения использовалась чистая вода. Температура в очаге аварии составляла сотни и тысячи градусов. В результате вода превращалась в радиоактивный пар. Площадь заражения возрастала.

Вертолетчики во время тушения пожара сбрасывали в жерло 4-го энергоблока свинец, чтобы, как предполагалось, уменьшить разброс остатков ядерного топлива. Свинец, плавящийся даже от спички, под воздействием колоссальных температур вылетал в воздух в виде радиоактивной аэрозоли. Как известно, пары свинца и в чистом виде представляют серьезную угрозу здоровью человека. А тут – радиоактивный... Позже его заменили другим материалом.

Еще одна из ошибок – в момент аварии на 4-м энергоблоке не была отключена вентиляция на АЭС. Это привело к заражению большого количества помещений, в том числе 1-го и 2-го реакторов, которые после небольшой дезактивации работали нормально.

ЗАПАДНАЯ ЗОНА

Если в первый период после аварии основную боевую нагрузку получили подразделения радиационной и химической разведки, вертолеты воздушной радиационной разведки, химические лаборатории, то потом в работу активно включились подразделения спецобработки техники и подразделения пылеподавления (дегазации и дезактивации дорог). В первую очередь из состава частей и подразделений были выведены молодые военнослужащие, их в строю заменили военнообязанные старше 40 лет. Надо было беречь генный фонд страны. Местное население было эвакуировано за пределы 30-км полосы от района аварии.

26-я бригада относилась к зоне ответственности Московского военного округа (каждый округ отвечал за свой участок, на мой взгляд, это было правильно). Она была сформирована сразу после катастрофы. В момент аварии на АЭС ветер дул с юга, и радиоактивное «облако» пошло в основном на север и северо-запад. Нам выпала западная зона, также одна из наиболее зараженных. Территория очень большая. Одной из основных задач бригады было «зачистить», как мы говорили, местность (то есть продезактивировать ее) и предотвратить распространение радиации вглубь, в другие районы. Бригада состояла из семи батальонов военнообязанных («партизан»). Если в начале работ смена личного состава производилась при наборе ими дозы облучения до 25 рад, то при нас – до

10 рад. Эвакуация – немедленная по достижении «положенной» дозы.

Пришлось сразу вникать во все вопросы – размещения людей, качества пищи и состояния столовых, порядка смены личного состава, набравшего предельные порции доз облучения, характера выполняемых задач, выполнения распорядка дня и т.д. Мой рабочий день начинался в 5 утра. Подъем в 4 часа. Полчаса на личную гигиену, столько же на завтрак. В 6.00 – построение бригады. После докладов командиров батальонов – выполнение боевой задачи. Совершался марш на особую площадку в район Чернобыля, где осуществлялась пересадка личного состава на другие машины, «грязные». То есть зараженные радиацией. После этого марш к Чернобыльской АЭС или назначенным объектам. Там в соответствующих помещениях («укрытиях») личный состав переодевался в рабочее обмундирование и приступал к работе.

Перед обедом люди проходили санобработку, переодевались в «чистое» обмундирование. Обедали в помещениях, оборудованных под столовую. Потом все повторялось. Рабочий день заканчивался в 18.00. После санобработки – пересадка на «чистые» машины и возвращение в бригаду. Ужин в 20.00, затем показ кинофильмов или, по желанию, посещение сауны. Каждый батальон имел свою баню-сауну. Реально личный состав спал 4-5 часов.

Радиация порой проявляла себя очень зримо... Еще в начале своей работы на одном из первых совещаний я обратил внимание на то, что командиры 2-го и 3-го батальонов сидели с красными лицами, будто сильно выпивши. Они сказали, что чувствуют себя неважно – болит голова, вялость, приступы тошноты. Я вызвал врача

и химиков-дозиметристов, ведущих учет доз радиоактивного излучения в этих батальонах. Они подтвердили, что в этот день командиры батальонов и некоторые военнослужащие получили дозу около двух рад. Пришлось еще раз напомнить всему личному составу допустимые дозы излучения в сутки. Хотя впоследствии в ходе разведки южной оконечности АЭС я сам испытал на себе дозу свыше двух рад...

Бывало так, что из очередной новой смены военнообязанных некоторые выражали испуг или боязнь при поездке на зараженную станцию. Поэтому с каждой сменой проводились специальные занятия в течение 1 – 2 дней по защите от радиоактивных веществ, мерам безопасности и

т.д. Затем «молодых» выстраивали на плацу в 19.00, в момент прибытия с работ личного состава батальонов. Новички своими глазами видели, что их товарищи чувствовали себя нормально, оживленно делились впечатлениями, шутили. И через день новая смена нормально приступала к выполнению боевого задания.

До сих пор можно иногда услышать мнение, что, дескать, ликвидаторы в Чернобыле постоянно пили, чтобы снизить воздействие радиации. Это полная ерунда. Напомним, в стране действовал «сухой закон» (1986–1988 гг.). Чернобыль не исключение. Спиртное было под запретом, и никакого «повального пьянства» там, в зоне выполнения боевых задач, не было. Другое дело, что где-то тайком, вечером могли «употребить», как и всюду. Вообще же, что касается питьевого спирта и водки, то коэффициент вывода радиоактивных веществ из организма у них наиболее высок и составляет 1,5. А из вин хорошо восстанавливает красные кровяные тельца красное молдавское «Каберне». Часто выступавшие перед личным составом медицинские работники избегали об этом говорить. Они рекомендовали зелень и фрукты (коэффициент выведения 1,1), молоко (1,25)... Когда я спрашивал, почему они ни слова не говорят о водке, мне отвечали, что не имеют права, в стране идет борьба с пьянством. Порой у нас доходило до ругани. По-моему, человек должен знать объективную информацию и уже сам решать, как ему поступить. Уже после Чернобыля я примерно в течение года регулярно принимал строго ограниченные дозы алкоголя, чтобы вывести из организма радиацию (кстати, по настоянию жены, узнавшей, что спиртное имеет высокий коэффициент вывода радиации). По себе чувствую, что помогло. К спиртному при этом остался равнодушен. Как только почувствовал улучшение в самочувствии, полностью исключил водку из рациона.

...На границе 30-км зоны был установлен очень чуткий прибор, который окрестили «японцем» (очевидно, японского производства). Он фиксировал даже малейшее облучение и сразу начинал «орать» сиреной, моргать красным светом. Немедленно дежурная смена ГАИ отправляла таких «зараженных» обратно, на площадь специальной обработки. Тогда, чтобы не проходить спецобработку, многие стали объезжать посты по лесной дороге через деревню Терехово. Командованию, чтобы прекратить это «безобразие», пришлось и там установить дозиметрический пост.

На мой командирский «уазик» «японец» орал, как резаный, спецобработка не помогала. Радиация въедалась даже в железо, но дело не только в этом, о чем я еще скажу дальше...

РАБОТА

Ежедневно мы докладывали вышестоящему командованию, что сделано за сутки. Это квадратные метры продезактивированных помещений станции, километры продезактивированных дорог, количество захороненных материальных средств и объектов и т.д. (однажды, например, пришлось «снять» и захоронить целый участок железной дороги, так что представьте себе объем работ...)

Каждый день происходили какие-нибудь неожиданности. Както химик-разведчик при проверке одного помещения (а их на станции было около тысячи) обнаружил такую закономерность – уровень радиации у пола низкий, а выше начинал возрастать. У потолка достигал максимума. Казалось бы, вывод в том, что сильно заражен потолок. Это значило «долбить» его, практически снимая по кускам. Если бы мы стали делать эту очень нелегкую и долгую работу, она оказалась бы совершенно бесполезной. Потому что при повторной, очень тщательной проверке помещения на зараженность был обнаружен источник, который оказался за стеной. Извлекли его. Потом произвели обычную мокрую обработку пола, убирая пыль из всех углов. Фон исчез. Вывод: не спеши действовать необдуманно, сначала все проверь и взвесь. Как оказалось, и во многих других помещениях мы сталкивались с аналогичной проблемой.

...На упомянутой выше научной конференции, прошедшей в наши дни, говорилось и о том, что для уменьшения уровня радиации на местности пытались вначале все засыпать песком. Но дожди и весенние распутицы практически всю эту работу сводили к нулю. Более того, из-за ветра, которым переносился сухой песок, образовывались немалые зараженные площади. И это не было учтено вначале. Потом «зачищенную» местность стали засыпать гравием.

Попадание сточных «зараженных» вод в реки (паводки и дожди смывали верхний слой загрязненной радиацией почвы) было чревато необратимыми, поистине страшными последствиями. Поэтому мы строили дамбы по берегам Припяти и еще одной (уже не помню ее названия) реки. Очень трудоемкая, тяжелая работа. Но бригада ее выполнила. Распространение радиации с водами рек в своей зоне ответственности было предотвращено.

...Однажды, когда я проводил совещание с командирами батальонов и начальниками служб, меня срочно вызвал к себе начальник оперативной группы ГО генерал Рябов. Я очень не любил эти срочные вызовы – значит, что-то случилось?! Он пригласил меня к карте. 25-я бригада химической защиты Киевского военного округа не справляется с задачей по дезактивации дороги и окружающей местности (это была самая короткая дорога от Чернобыля до станции). А через день приезжает начальник Гражданской обороны генерал армии В. Говоров. Он хочет проехать к некоторым объектам АЭС. Нужно было срочно продезактивировать дорогу.

Киевляне не справлялись, на мой взгляд, по одной простой причине: они шли методом медленного продвижения. То есть идет колонна. Первые работают, потом их меняют те, кто идет сзади. Получается, что задние до этого момента, по сути, бездействуют. Непродуктивно. В сутки они проходили не более километра.

Командир нашего 5-го батальона полковник В. Бондаренко справился с задачей за полтора суток. Он расставил людей и технику по всей 20-километрой дороге так, чтобы люди отвечали за определенный участок дороги. То есть работали все одновременно. На дороге – бульдозеры, скреперы, счищающие верхний зараженный радиацией слой почвы. Его тут же засыпали гравием. По боком дороги шли ИМРы (инженерные машины разграждения) и БАТы (большие автотягачи). Они счищали слой местности по обеим сторонам от дороги в радиусе примерно 15 метров. Я пишу это, для того чтобы вы хотя бы примерно представили себе объем проделанного за эти бессонные полтора суток...

Бондаренко был очень хорошим командиром. Несколько позже я написал представление на него для награждения орденом. Но свыше мне намекнули, что у него не все в порядке в семейных отношениях и поэтому не стоит представлять его к награждению. Очень долго пришлось убеждать командующего оперативной группы ГО, что полковник Бондаренко представлен к награде за личное мужество, за подвиг. И семейные отношения здесь ни при чем. Он был награжден.

...Нам постоянно приходилось сталкиваться с непредвиденными ситуациями и искать оптимальные выходы из положения. Например, как-то председатель правительственной комиссии Б. Щербина выразил недовольство, что мы долго «возимся» с одной стеной в реакторном зале 3-го энергоблока. Его торопились запустить к 7 ноября 1987 года. Фон был сильным. Но когда эту стену обработали отбойными молотками, уровень радиации неожиданно... вырос в 2 раза! После ознакомления с планом этого помещения оказалось, что рядом со стеной, снаружи, имеется какой-то сливной колодец. Спустили в него на веревке солдата с ведром. Он обнаружил кусок графита и вытащил его. После этого стена стала «чистой».

«ДОБРОВОЛЬЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!»

Однажды я получил задачу отобрать 80 добровольцев для выполнения очень ответственных заданий. Эти люди должны были в сутки получать дозу излучения в 1-2 рад, и при достижении дозы в 25 рад их предстояло немедленно отправлять из бригады к месту жительства.

Когда я ехал в бригаду и обдумывал этот приказ, на душе у меня скребли кошки – смогу ли я отобрать столько добровольцев? Каково же было мое удивление, когда команди-

ры батальонов призвали таких людей в несколько раз больше, чем требовалось! Объяснялось это, скорее всего, тем, что люди хотели быстро получить предельную дозу радиации, чтобы тут же уехать домой. Отсюда и их большое количество.

Добровольцы работали на крыше основного корпуса, очищая ее от остатков ядерного топлива. Предельное время такой работы – две минуты... Некоторые из них (очевидно, из-за боязни воздействия радиации) вместо того, чтобы собирать куски радиоактивного материала и эвакуировать их, просто-напросто спихивали их ногами вниз. Высота – примерно с 22-этажный дом. Внизу эти куски разбивались на мелкие части. В результате площадь радиоактивного заражения и уровень радиации увеличивались...

Насколько мне известно, многие из этих добровольцев потом долго не прожили. Откровенно говоря, в бригаде их тогда сразу окрестили между собой «смертниками»...

На мой взгляд, главной ошибкой в ходе чернобыльской «эпопеи» было полное пренебрежение личного состава ликвидаторов своим здоровьем. Причем это пренебрежение я никогда не назову «подвигом». Не все представляли себе последствия облучения и переоблучения ионизирующим излучением. Я считаю, что это результат «легкого» отношения к решению вопросов защиты личного состава от отравляющих веществ и радиационного облучения на занятиях, учениях и полигонных работах в пунктах постоянной дислокации. Поэтому в спорах с медицинскими работниками, в своих выступлениях перед личным составом я всегда утверждал (и утверждаю сегодня), что в 1987 году при ликвидации последствий катастрофы главной опасностью было не внешнее облучение (за исключением отдельных зон), как это было сразу после аварии, а ВНУТРЕННЕЕ ЗАРАЖЕНИЕ РАДИОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ. Личный состав нередко нарушал технику безопасности – не надевали респираторы (маски) в ходе работ, пили воду и ели на зараженной (пусть и немного) местности, курили (для чего нужно снять респиратор). Также старались избегать таких мероприятий, как дезактивация техники, обмундирования. В результате, например, при проверке постельных принадлежностей в палатках проживания личного состава уровень радиации достигал 1-1,5 миллирад/час... Все это было чревато поражением печени, селезенки и других внутренних органов.

До сих пор запомнились некоторые дикие случаи. Один военнообязанный положил себе «на память» в карман брюк... кусок радиоактивного графита. В результате, извините, «яйца» у него чуть не отвалились, его срочно отвезли в госпиталь. Что с ним было дальше – не знаю. А один водитель подобрал в зараженной зоне выброшенный парашют вертолетчиков, вывез его. Он получил огромную дозу облучения, был срочно эвакуирован в медучреждение.

А один случай меня потряс. О нем узнал позже, это было уже не при мне. Попытка установить флаг на высокой вышке в день ввода 3-го энергоблока обернулась для смельчака набором такой дозы излучения, что привела к его смерти...

Основной вывод, который я сделал в Чернобыле, – все командиры должны прежде всего думать о том, чтобы люди получали маленькие дозы. Строго следить за этим, не допускать неоправданного риска. А о нашей командирской «дозе» радиации я еще скажу несколько дальше...

Не обошлось и без жертв, связанных с нарушениями техники безопасности. 16 июня 1987 года, в день выборов в Верховный Совет СССР, оперативный дежурный доложил мне, что при проведении дезактивации местности в районе станции погиб молодой лейтенант. Одна ИМР (инженерная машина разграждения) застряла, он пытался вытащить ее на другой ИМР. Стоял между ними, работая с тросом. Погиб в результате столкновения машин...

У меня ноги стали ватными. Я поднял на ноги все руководство. Оказалось, что это чрезвычайное происшествие случилось не у нас, а в бригаде Киевского военного округа. Все равно я долго не мог успокоиться...

Помнится и другой трагический случай. При работе над реактором 4-го энергоблока один из вертолетов, задев трос, рухнул вниз. Экипаж погиб...

Небольшое отступление. Для меня, как и любого командира части, большой проблемой было то, чем занять личный состав в свободное время. Люди во время рабочего дня выполняли задачи в течение 5-10 минут. Спортом заниматься нельзя (опасность повышения легочной вентиляции), читать в библиотеке было нечего (старые книги), оставались только настольные игры и, конечно, игральные карты (а это опасно). Естественно, кто-то «гонял» в близлежащую деревню за спиртным. И силами суточного наряда уследить за этим было нереально...

В связи с этим запомнился такой момент. Однажды ко мне зашел офицер из особого отдела и доложил, что на нашем хлебозаводе... налажено «производство самогона»! Немедленно вместе с ним прибыли на место, проверили все помещения. Без результата. Тогда я собрал коллектив и предупредил, чем опасно это дело – срывом поставок хлеба в различные части и возникновением пожара. И решил проверить навыки личного состава в пользовании огнетушителями. Каково было удивление, когда во всех огнетушителях (а их было пять) оказался самогон! Пришлось принимать решительные меры.

ОПЫТ ЧЕРНОБЫЛЯ

На одном из совещаний генерал армии В. Говоров, обращаясь ко мне, подверг критике эффективность наших дозиметрических приборов и комплектов специальной обработки (личный состав практически вручную проводил специальную обработку технологического оборудования).

Мне пришлось отстаивать честь химических войск. Я напомнил, что радиоактивное заражение местности от ядерных взрывов сильно отличается от радиоактивного заражения в районе станции. В первом случае радиоактивные вещества испускают жесткое излучение и представляют собой твердую радиоактивную пыль, на что и настроены наши приборы. Во втором – *это было мягкое излучение радиоактивных веществ в парогазовоздушной смеси, ведь на АЭС произошел тепловой взрыв. Такие радиоактивные вещества проникали в железо, асфальт, бетон на несколько миллиметров, а то и сантиметров(!).*

Да, конечно, наши индивидуальные дозиметры (ИД) в этой обстановке

не зарекомендовали себя, ведь они рассчитаны на измерение доз облучения, начиная с двух рентген. А тут – дозы менее 1 рад в день. *Кстати, нас спасли корабельные дозиметры (КД), которые используют на атомных подлодках. Они позволяют измерить дозу даже в миллирадах.*

Можно добавить, что технологическое оборудование на станции представляло собой разнообразные формы по фигурам и высоте, и это затрудняло использование комплектов специальной обработки, ведь они ограничены по длине, а при этом очень много весят.

Тогда я глубже осознал важность работы военно-научной группы, основанной начальником химических войск генерал-полковником В. Пикаловым (практически это был целый институт), которая вырабатывала для будущих поколений ценные рекомендации по ликвидации последствий аварии на АЭС, опираясь на опыт воинов-ликвидаторов.

Я тоже решил проделать опыт, чтобы выяснить, почему моя служебная машина (УАЗ-469) после специальной обработки (причем очень тщательной) после каждой поездки в особую зону при измерении прибором ДП-5В (кстати, неплохо зарекомендовавшим себя в условиях ликвидации аварии) всегда оставалась зараженной с уровнем радиации 0,3-0,4 рад/час. Обратил внимание на работу расчетов авторазливочных станций (АРС) из состава отдельной бригады химической защиты Киевского военного округа. (Кстати, из-за быстрого выхода из строя химиков-военнослужащих, особенно офицеров, набравших предельные дозы излучения, эта бригада пополнялась военнообязанными с другими военно-учетными специальностями.) Поинтересовался, откуда они берут воду для пылеподавления на дорогах вокруг станции (дезактивации дорог). Старший группы показал мне на колодец вблизи. Замерив мощность дозы воды и облицовки колодца, дозиметристы определили степень заражения 12-13 рад/час (!!!). *А это значит, что вместо дезактивации дорог они их заражали!*

Пришлось показать им, где надо брать чистую воду...

...В один из приездов в Чернобыль начальник Гражданской обороны страны генерал армии В. Говоров на совещании командиров частей и администрации АЭС доложил: «По данным Генерального штаба, мы за полтора года продезактивировали станцию 10-11 раз, и конца пока не видно!»

Мы высказали свое мнение, что

виной этому стало недостаточное количество дозиметрических постов около «чистых» помещений. Дело в том, что после дезактивации в этих помещениях начинают работать ремонтники, снимающие аппаратуру (а это сплошная ходьба в зараженной обуви), затем туда идут наладчики новой аппаратуры (опять ходьба), после них работу начинают эксплуатационщики (дежурные смены). При этом личного состава на выделение дозиметрических постов не хватает – все силы брошены на дезактивацию.

Буквально через несколько дней на станции заработали сотни дозиметрических постов, причем наделенных особыми правами – не допускать личный состав, у которого «фонят» одежда и обувь, на станцию. Особенно повысилась дисциплина в этом отношении, когда прибыли военно-морские офицеры. Очевидно, их опыт по контролю за степенью заражения на кораблях (подводных лодках) был более весом.

Введение большого количества дозиметрических постов, оснащенных соответствующей аппаратурой, помогло бороться и с другой весьма болезненной проблемой. Дело в том, что находилось немало охотников вывезти из зоны заражения материальные ценности: обмундирование, средства индивидуальной защиты, парашюты вертолетчиков, телевизоры, стекло и даже автомобили. *Это было не только мародерством, но и опасным распространением радиоактивных веществ по всей стране...*

«ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ»

...Подходила к концу моя командировка в Чернобыль. Как всегда перед отъездом очередной смены, всем военнослужащим выдавали карточки учета радиоактивного облучения, вручались благодарственные грамоты, объявлялись благодарности.

В моей карточке была записана доза радиоактивного облучения 10 рад. На самом деле медицинский дозиметр ИД-11 (я его носил постоянно) показал дозу в 52 рада...

Все объясняется просто – пришлось вести двойную бухгалтерию. Официально дозиметристы (по моему указанию) записывали заниженную дозу облучения.

Вот простая арифметика – в день допускалась доза 0,5 рад, следовательно, через 20-30 дней я получил бы «положенные» 10 рад. Но тогда заменяемость командиров бригады возросла бы в 2-3 раза, а где взять столько офицеров? Так что наша реальная, скажем так, командирская «доза» в несколько раз превосходила ту, которую получали наши подчиненные. Получив ее, они сразу убывали. За этим мы строго следили. Нам же по вышеуказанной причине довелось оставаться на гораздо более длительные строки. Естественно, при этом постоянно выезжали на объекты, иначе как руководить действиями подчиненных? Что ж, мы отлично понимали, чем рискуем. Но такое было время. И такая работа...

* * *

Оглядываясь назад, я вновь вспоминаю ту огромную работу десятков тысяч людей по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Только на нашей военной кафедре в Чернобыле работали 35 человек, некоторые из них вследствие воздействия радиации умерли. Это полковники Юрий Тарасов, Борис Немчинов, подполковник Виктор Лыков и другие. Они даже не могли себе оформить инвалидность.

Шесть офицеров награждены орденами «За службу Родине» III степени, Красной Звезды, остальные – медалью «За отличие в воинской службе» 2-й степени. Два офицера получили досрочно звание полковник.

Подвиг ликвидаторов, никогда не будет забыт. Их боевой опыт имеет огромное значение.

И последнее. В обозримом будущем альтернативы атомным электростанциям нет. Задача состоит в том, чтобы повысить их безопасность...

«Нам достались горечь и печаль...»

Право же, сотрудников журнала «Солдат удачи» трудно чем-либо удивить. Они – опытные журналисты, немало повидавшие за свою жизнь. Но на этот раз, признаемся, редакция была крайне удивлена.

А началось все с анкеты. Из Челябинской области пришел конверт, в нем ответы на анкету журнала и еще письмо.

«Решил вам написать, **– сообщает наш читатель, –** ***по поводу статьи в журнале «Слова «Служу Отечеству» – не пустой звук». В ней вы ссылаетесь на достаточно известного издателя, который сказал про писателя Резуна-Суворова, что тот – предатель и сволочь.***

Я с этим не согласен. И у меня вопрос: разделяете ли вы его точку зрения?»

Далее читатель из Челябинской области назидательно нам советует: ***«Читал ли кто из вас книги этого писателя? Если нет, то обязательно прочитайте хотя бы одну из них. Только не отрывками, а полностью».***

Заканчивается письмо просьбой – ответить «поклоннику Резуна» обязательно в журнале либо лично в письме на его имя.

Что ж, отвечаем.

Откровенно говоря, прочитав это письмо, мы сидели, как громом пораженные. Нам казалось, что в России никому не надо рассказывать, кто такой Резун. Но мы глубоко заблуждались. Нашелся не только его горячий поклонник, но и защитник, не согласный с тем, что Резун – предатель и сволочь.

Сначала, признаться, мы решили, что это какой-нибудь юный читатель, которому в лучшем случае лет 15-16, и он не ведает об истинных делах Резуна.

В письме никаких ссылок на возраст не было.

К счастью, нам помогла анкета. Оказалось, что автору письма 33 года (!). Он вполне зрелый мужчина, имеет среднее образование, работает на металлургическом заводе. Зовут его Родион Шайхетдинов.

Ну, что ж, Родион, на ваш прямой вопрос, разделяем ли мы мнение издателя о том, что Резун – предатель и сволочь, так же прямо отвечаем – разделяем полностью.

Читали ли мы книги Резуна? Не беспокойтесь, читали. И не одну. И не отрывками, а полностью.

Теперь поясним свою точку зрения, ибо вы написали, что она для вас важна.

Так вот, «писатель Суворов», как вы изволите его называть, в 1978 году был советским военным разведчиком, капитаном, сотрудником швейцарской резидентуры ГРУ. Летом этого же года он совершил свое предательство, сбежал на Запад и, естественно, попросил политического убежища.

Есть несколько версий его ухода на Запад. От версии, что Резуна кто-то хотел подставить, сделать козлом отпущения (хотя не ясно, кто и за что?), до той, что его взяли в разработку английские разведчики и склонили к предательству.

В сущности, это для нас не имеет никакого значения. Истинную версию своего предательства знает только Резун, но, думаю, он вряд ли ее когда озвучит. Важен в конечном итоге результат – он предал Отечество.

Вряд ли стоит кому-то объяснять, что предательство разведчика практически всегда влечет за собой тяжелые последствия. Так было и с Резуном. Более десятка сотрудников ГРУ срочно отозвали на Родину (к счастью, вовремя), все оперативные связи законсервировали. Работа женевской резидентуры, по сути, была парализована.

За предательство и измену Родине Резуна приговорили заочно к смертной казни.

Но, как видите, приговор до сих пор не приведен в исполнение.

Резун прекрасно себя чувствует, судя по различным передачам и телевизионным фильмам, которые еще недавно в изобилии заполняли наш телеэкран, он весьма упитан, самодоволен и по-прежнему ненавидит свое Отечество. Разумеется, он меняет парики перед телекамерой, надевает очки и говорит, что до сих пор опасается мести российских спецслужб. Хотя, как вы понимаете, его никто не ищет и не собирается мстить.

Так кто же он такой, Владимир Резун? На этот вопрос отвечали многие писатели и журналисты. И, право же, не хотелось бы повторяться. Поэтому предоставим слово тем, кто знал его лично. Эти оценки в большинстве своем уже публиковались, а мы лишь собрали их воедино. Так черты предателя проступают яснее и четче.

Но перед тем как представить слово его сокурсникам, сослуживцам, все-таки напомним. Владимир Резун родился в 1947 году в армейском гарнизоне близ Владивостока, где в ту пору служил его отец – офицер Советской Армии.

Кстати, следует отметить, что Богдан Васильевич Резун был человеком боевым, смелым, истинным патриотом своей Родины. Он прошел всю войну, как говорят ветераны, от звонка до звонка, на фронте, в боях и походах.

В 1958 году Владимир Резун стал суворовцем, поступил в Воронежское суворовское училище. Через три года, после расформирования училища,

его переводят в город Калинин, где он продолжает учебу.

Кто может сегодня сказать, когда в душе Резуна завелась червоточина? Но она, увы, завелась. И это факт.

В 1965 году группа выпускников Калининского суворовского училища прибыла в Киев. Все они готовились стать курсантами высшего общевойскового командного училища. Среди них был ничем не примечательный юноша, который вскоре сменил форму суворовца на курсантскую гимнастерку. Его звали Владимир Резун. Впрочем, некоторыми своими чертами он все-таки отличался от сокурсников. И, как выясняется, далеко не в лучшую сторону.

Его сокурсник по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу Валерий Симонов характеризует Резуна следующим образом.

«В казарменной обстановке всяк виден насквозь. Невысокий, рыхлый, не отличающийся острым зрением, он получил унизительное прозвище Елдунчик. У него были нелады с огневой и физической подготовкой. На выпускном экзамене за него стрелял сокурсник. На итоговом трехкилометровом кроссе ребята чуть ли не на себе тащили Володю до финиша.

Поскольку он комплексовал и сторонился женщин, курсанты решили и тут ему помочь. Подговорили одну легкодоступную девицу и, улучив момент, заперли их вместе с Елдунчиком в спортзале. Через несколько секунд раздался отчаянный стук в двери, и оттуда, как ошпаренный, выскочил испытуемый. «Опять двойка!» — констатировали остряки.

В чем он преуспел, так это в изучении иностранных языков. Не расставался с дневником, все детально фиксировал...»

О первых шагах Резуна в Военно-дипломатической академии генерал-полковник в отставке А. Павлов вспоминает так:

«Резун возглавил учебный взвод в одной из дивизий Прикарпатского военного округа. Как он стал офицером ГРУ? У него была неплохая характеристика — как-никак два года являлся секретарем партбюро. Тем не менее он не прошел с первого захода в Военно-дипломатическую академию. Забраковали из-за неподготовленности в военном отношении. Дали еще годик пообтереться в войсках, потом приняли.

На первом курсе нужных задатков не обнаружил. На втором — отзывы еще хуже. Даже несложный экзамен — потеет, чуть в обморок не падает. Плохо контролирует себя, склонен к неврастении.

При выпуске Резуну пригладили характеристику, хотя и сделали вывод: в целом к разведработе не готов. Обнадеживало одно: молодой, научится...»

Однако учился он трудно и медленно.

И тем не менее в 1974 году Владимир Резун отправляется в загранкомандировку в Женеву «под крышей» атташе представительства СССР при ООН. Он едет не один. С ним — жена и маленькая дочь.

Как начинается его трудовая деятельность на ниве разведки? Судите сами.

После первого года пребывания в Женеве резидент ему дал такую характеристику: *«Весьма медленно осваивает методы разведывательной работы. Работает разбросанно и нецелеустремленно. Жизненный опыт и кругозор малы. Потребуется значительное время для преодоления этих недостатков».*

Капитан 1 ранга В. Калинин, который работал в женевской резидентуре и впоследствии занимался делом Резуна, так отзывался о нем в одной из своих публикаций в СМИ:

«В общении с товарищами и в общественной жизни он производил впечатление архипатриота своей Родины и Вооруженных Сил, готового грудью лечь на амбразуру, как это сделал в годы войны Александр Матросов.

В партийной организации среди товарищей выделялся своей чрезмерной активностью в поддержке любых инициативных решений, за что получил прозвище Павлик Морозов, чем очень гордился...»

Вот таким был Резун в глазах товарищей по службе, командиров. 10 июня 1978 года он исчез, а через две с лишним недели английские газеты сообщили, что Резун вместе с семьей находится в Англии.

Позже он распишет, как чудом вырвался из цепких лап КГБ, придумывает слежку, свет в пустой квартире. Ничего этого не было. Никто «Павлика Морозова» не подозревал и не преследовал, и в деятельности тех, кто его вывозил, не было ни грана героизма и риска. Просто за «неуловимым» Резуном никто не гнался. Хотя неспроста многие его командиры подмечали характерные для Резуна паникерские настроения, трусость, страх. Натерпелся парень. И в первом же своем печатном опусе в отместку оболгал родное ведомство, раскрыл в книге имена 175 разведчиков. Кого-то он знал сам, хотя и немногих, кого-то скорее всего подсказали сотрудники «Интеллидженс Сервис».

Отец-фронтовик прилетел в Лондон, чтобы встретиться с сыном, но хозяева Резуна на встречу своего подопечного не отпустили.

Пройдут годы, многое изменится в нашей жизни, но фронтовик Богдан Васильевич Резун так и не простит сына. Перед миллионами телезрителей скажет: «Я его осуждаю... Нам с матерью достались горе и печаль до конца дней».

Знаете, Родион, в истории разведки есть иные примеры. Примеры истинного мужества и героизма, когда разведчиков бросали в тюрьмы, воздействовали физически, склоняли к сотрудничеству, однако ничего не добивались.

Чего стоит подвиг военной разведчицы капитана Марии Добровой, которая аресту предпочла смерть. Когда ищейки ФБР, выследившие ее в одной из гостиниц Чикаго, стали ломиться в дверь, она выпрыгнула в окно.

Во время процесса над предателем Пеньковским в зале прозвучали, на наш взгляд, замечательные слова: «Нарушение сыновней верности матери Родине — это преступление по тяжести последствий стоит на первом месте... Шпиону, предавшему Отечество, нет места на Земле!»

Вот, пожалуй и все, нечего добавить к этим словам. Сильнее вряд ли скажешь. Иуда, предатель, в какие бы тоги он ни рядился — писателя, демократа, защитника прав человека, эколога, борца с тоталитаризмом, — он есть всего лишь предатель, что означает «мразь земли нашей».

Таково твердое мнение «Солдата удачи», дорогой Родион Шайхетдинов. Иного не дано.

С уважением
редакция журнала.

СЕРЖАНТСКИЙ РЕНЕССАНС

Состоится ли он в Российской армии

Василий ХОРЕШКО
Фото из архива «Солдата удачи»

(Окончание. Начало в № 3)

УРАВНЕНИЕ... С ДВУМЯ ИЗВЕСТНЫМИ

В танковом полку Кантемировской дивизии я обратил внимание на караульного с автоматом возле казармы, которую намереваются превратить в общежитие для контрактников.

– Не пускают – чтобы ничего не растащили, – просветили меня офицеры на сей счет. – Туда завезли мебель, стиральные машины, светильники. Понятно, для чего затевается весь этот маскарад – чтобы завлечь как можно больше контрактников. Кому морочим голову? Самим себе! Мы готовы хоть сейчас поменять свою офицерскую конуру – 6 на 6 м, где живем всемером, – на их хоромы. У них и душ есть, а мы из чайничка обливаемся...

Какая ж это полковая семья, если начинают обихаживать младших командиров в ущерб средним? Малоутешительно понимание того, что экстренные, доходящие до авральных, меры по улучшению быта сержантов – явление временное. Все равно обидно. Невольно посочувствуешь лейтенантам. Разве виноваты они в том, что армия, не уставая латать тришкин кафтан, заделывает прорехи на одном участке, оголяя другой. А кадровое оголение не заметно только тому, кто не хочет этого замечать. Как горестно констатировал один из командиров взводов, из 57 выпускников Челябинского танкового училища, недавно приехавших сюда, остались служить всего 10. Остальные разбежались кто куда.

Хватает недовольных офицеров и в соседнем соединении.

– Мало того, что два года мы по 15 человек в комнате ютились. Еще и заставили нас не менее семи раз переезжать с места на место. Однажды вернулся из командировки и вещи свои по всем углам разыскивал не один день, – с горечью повествовал старший лейтенант из 15-го полка Таманской дивизии. – Один раз поселили в здании, где не только туалета и душа – электричества не было. Представляете себе?! Да и сейчас офицерское общежитие уступает по всем параметрам сержантскому. У нас и мебель старая, и пол прогрызли мыши. А у тех намного благоустроеннее.

Я заглянул в отремонтированное здание постройки 1950-х годов и удостоверился в правоте сказанного. Здесь лишь дневальный у тумбочки при входе на каждый этаж напоминает о казарменной обстановке, а в остальном это – гостиница, пусть и без отдельных номеров. В двухкомнатных модулях на 8 человек – душевая, сушилка, кабина с унитазом и один писсуар (вполне приемлемо, если

сопоставить с уставным стандартом уборной в казарме советских времен: одно очко и один писсуар на 10-12 человек). В прихожей – электроплитка, а возле каждой кровати – тумбочка и шкаф для одежды. Жилище относительно благоустроенное и даже комфортабельное – для людей неприхотливых, сумевших притереться друг к другу.

Психологическую совместимость тоже нельзя сбрасывать со счетов. Кто-то из офицеров признался мне, что намеренно поселился в общежитии соседнего полка, где бытовые условия ничуть не лучше, к тому же на дорогу до службы тратится время, но...

– Не хочу, чтобы одни и те же лица мозолили мне глаза по вечерам. Хватит мне и того, что целый день их вижу.

Четверо в кубрике – терпимо, пока ты юн и не нашел свою вторую половину. Но долго ли так продлится? Молодоженам не позавидуешь – три тыщи вынь да положь за снимаемую комнатку. И как трудоустроиться супруге в гарнизоне, где уйма желающих занять место продавщицы в магазине, а иную достойную работу еще поискать надо?

Офицерское общежитие – это переделанный под жилье учебный корпус. С бытовым устройством особенно туго стало в середине 1990-х, при тотальном расформировании соединений и выводе войск из-за рубежа. Тогда в Таманскую дивизию свезли множество боевых знамен тех частей, что неблагополучно прекратили свое существование. И многие оказавшиеся не у дел офицеры постарались здесь осесть – все-таки недалеко от Москвы. Беженцы такого рода с семьями и заполнили под завязку учебный корпус, превратив его в коммунальную квартиру. Даже тренажерные классы приспособили под спальные помещения: койки, раскладушки и кроватки втискивали между учебных башен. Сегодня в этих стенах достаточно цивильно: вывезли отсюда всю материальную часть, в комнатах более-менее уютно разместились офицеры. Но ведь выведен из строя целый учебный комбинат на полковой территории, предназначенный для овладения техническими дисциплинами и практической отработки вопросов. А зимы у нас длинные, в иную пору в поле особенно не позанимаешься.

Худшую карикатуру на реформирование не придумать: офицер завидует... сержанту, а тот, в свой черед, – гражданскому персоналу какого-нибудь частного охранного предприятия, который и деньги хорошие имеет, и не особо напрягается. Вы сами сравните: худосочного военного профессионала и излучающего довольство стража солидного банка, отеля или офиса. Разве в состоянии первый тягаться со вторым? Немудрено: Вооруженные Силы живут вполсилы – настолько, насколько им позволяет скромное финансирование. И немощь всего государства вполне объяснима тем, что ключевые, основополагающие поприща у нас – в загоне. Вот где собака зарыта! Вышесказанное позволю себе подкрепить стихотворной сентенцией из наследия прапрадедушки И. Крылова, у которого легко найти иносказательные нравоучения на все случаи жизни. В басне «Собака и Лошадь» Барбос кичился удальством и доказывал никчемность Савраски. «Конечно, – Лошадь отвечала, – твоя правдива речь, однако же, когда б я не пахала, то нечего б тебе здесь было и стеречь». Нужна ли еще

другая мораль, кроме гениальной крыловской?!

10 с лишним лет прошло со дня почина, когда соседний полк уполномочили быть «первой ласточкой», которая сделает погоду в полном укомплектовании штатных должностей контрактниками. Умные люди предрекали, что это зряшная затея, заведомо гиблое дело. Что не поможет привлечь и закрепить нужные кадры прекрасно обустроенная, предназначенная персонально для них гостиница. Так оно и вышло. Апартаменты для нововведенной категории служивых давно превратились в заурядную общагу для всех воинских «сословий». Ужель столь же печальная судьба грозит новому госзаказу – на сержантов-контрактников?

ЖИТЬ, ЧТОБЫ РАБОТАТЬ НА ИЗНОС?

– Все штатные должности будут заполнены контрактниками, – уверенно говорит, оперируя цифрами, заместитель командира танкового полка по воспитательной работе гвардии подполковник С. Балабанов. – Набрать – не проблема. Трудности ожидаются в другом. Во-первых, по опыту знаем, неизбежен большой отсев. Во-вторых, легко предвидеть трения в экипаже, где командир – 18-19-летний сержант, а наводчик и механик-водитель тоже контрактники, но гораздо старше его по возрасту. Как правило, военкомат присылает 30-летних мужиков.

В Кантемировской дивизии проблемы такого рода еще прогнозируются, а в Таманской – успешно решаются. Тому подтверждение – танковая рота, где командиром гвардии старший лейтенант Кирилл Бородин. Кадровый офицер с дипломом Челябинского военного училища выпуска

2003 года. У него в роте – 7 сержантов-контрактников. Доволен ли ими?

– Мое мнение: все зависит от человека. Было бы стремление, а умение приложится. У меня люди подобрались ответственные, роль младшего командира понимают. Конечно, всему их пришлось учить с «нуля». А теперь сами справляются – самостоятельно со своими экипажами проводят утренние разминки и тренажи, отрабатывают нормативы. Такой напрактиковавшийся сержант сильнее начинающего командира взвода, который, несомненно, более подкован теоретически. А у меня вдобавок к лейтенанту, пришедшему из училища, есть и два младших лейтенанта, окончивших курсы. Поэтому не обойтись без опытных помощников офицеров.

К примеру, возьмем танкострелковые тренировки. Обычно занимаемся на семи учебных точках. На офицерах лежит организация и обеспечение самой стрельбы, кто-то из них занят на пункте боепитания. Остальное – дело командиров танков. Они отрабатывают с экипажами подготовительные упражнения и нормативы: при танковом вооружении, по загрузке боекомплекта, метанию учебных гранат и т.д. Офицер – хоть он разорвись! – не сумел бы в одиночку эффективно обучать специалистов. А с надежными помощниками гарантируются высокая интенсивность занятия, индивидуальный подход и качественный контроль. Руководитель учебной точки совершенствуется и как инструктор, и как командир танка, сколачивающий экипаж в самостоятельном решении различных огневых задач. Вот что ценно! И тут я спокоен за своих сержантов. Многие из них выросли на моих глазах из рядовых членов экипажа. И эти подготовленные в роте сержанты ничуть не уступают окончившим учебку.

– Все идет, как надо! – легко доказывает гвардии подполковник А. Шутиков, заместитель командира 15-го мотострелкового полка по воспитательной работе. – Дважды успешно сдали проверку – это о чем-то говорит?! Чего не хватает, так это возможностей с пользой проводить свободное время. Правда, устраиваем культпоходы в театры Москвы, но туда много не наездишься. Поэтому хотим создать условия для интересного, полнокровного отдыха внутри гарнизона. Планируем построить культурно-досуговый центр – с компьютерными классами и спортзалами, бильярдной комнатой и баром-стойкой... Тренажерные уголки есть на каждом этаже в казармах, но ведь этого мало.

– Гарнизон в часе езды от Москвы, а производит впечатление забытого Богом поселка, – как бы продолжил тему один из сердитых офицеров. – В Доме офицеров крыша протекает. Никаких интернет-кафе и в помине нет. На школьную дискотеку не пойдешь – несерьезно. Только и остается контрактнику – шататься по поселку, других развлечений не найдешь. Знаменитости – всякие артисты, певцы – перестали выезжать в гарнизоны. Конечно же нужно поднимать качество досуга. Но это при условии упорядочивания рабочего дня. Если служба будет длиться «от темна до темна», то какой смысл вести речь о полезном времяпрепровождении?! Получается замкнутый круг. Если сержанта загрузить только службой и забыть о том, что его надо и культурно развивать, то можем сильно просчитаться. Нельзя относиться к ним, как к наемным рабочим: укомплектовал команду, потом распустил ее и новых набрал. Ставку надо делать на долгосрочных служивых. Перегруженность службой болезненно дает себя знать. Раньше я наивно полагал: чем больше власти у того или иного начальника, тем больше возможности у него располагать своим временем. Думал: ладно, в полку всегда какие-то дела задерживают на службе, а уж на дивизионном уровне день упорядочен. Ничего подобного – точно так же торчат допоздна. Нам бы наладить такую ответственность – сверху донизу – чтобы люди могли не только работать на износ, но и для себя жить. Я видел, как в столичной бригаде используют уборочную технику, а все равно до идеального порядка далеко. А в нашем полку солдаты вручную очищают от снега плац – скребут до асфальта. Есть у нас рота материального обеспечения, но ее мало на всех. В любом подразделении полка люди вынуждены заниматься не только боевой подготовкой. На попечении контрактников – парк боевых машин, склады ракетно-артиллерийского вооружения, полигон. Все помещения и закрепленные участки территории требуют поддержания чистоты. Коммунальные службы поселка тоже не упускают случая задействовать солдат. Что меня поражает: местные жители, дети и внуки отставных офицеров, мусорят вокруг себя и считают, что это нормально. За какой-то месяц развели такую помойку возле кафе «Юбилейное»! Так бы и зарылись в грязи, если бы не вернулся из отпуска комдив и не дал чертей кому следует, и не прислал бы солдат убрать горы отходов на площадке...

ПАТЕНТ НА ЗВАНИЕ ГРАЖДАНИНА

«Кавалергарда век недолог» – поется в популярном романсе. Непроизвольно впадаешь в раздумье: а насколько хватит наших сержантов по найму? Многие ли из них решатся сделать военную службу своей профессией? Пока что большинство их подписывает контракт не более, чем на три года. Не наплодим ли мы временщиков? Удастся ли удержать лучших? Что предпринять для того, чтобы доброе начинание не превратилось в кампанейщину, как это уже не раз бывало?

Надежный вариант отработан веками, только не всегда мы к нему прибегаем. Когда-то настоящих помощников офицеров готовили непосредственно в полковых школах. В эффективности такого подхода давно убедились во многих войсковых частях, где низовое командное звено в основном взращивают на местах,

выдвигая на сержантские должности наиболее достойных.

Далеко не всякий офицер может поспорить с сержантом в подготовленности по боевой специальности, то есть в том самом профессионализме, за который мы ратуем и который стремимся утвердить в армии сверху донизу. Проблема подлинного командирского авторитета (когда человек, облеченный властью, равнозначно облечен и доверием со стороны подчиненных) существовала со времен создания регулярных войск. Вспомним Петра Великого с введенным им «патентом» на имеющийся чин, который еще требовалось заработать. «Надлежит дворянских детей в коллегиях производить снизу... Капральские и сержантские лета зачислять тем, которые учились и выучились подлинно...» Вспомним гениального практика и теоретика военного искусства Суворова. В бытность командования Суздальским пехотным полком (1763–1768 гг.) он составил свод правил по всестороннему обучению личного состава (включающий даже молитвенник), получивший известность как «Полковое учреждение». В нем, в частности, говорится: «Ежели дворянин по особливому случаю, недовольно еще обучась сим должностям, произведен будет в подпрапорщики или в сержанты или тем чином в роту прислан малознающ или вовсе незнающ, как то случаетца из невоенной службы, однако он всю сию школу пройти и служить за рядового и капрала должен, пока попечением ротного командира он во всех тех званиях усмотрен будет искусным, и до тех пор он от полку и роты не командируетца».

Универсальный совет на все века, которым грех не воспользоваться! Если бы отправной точкой карьеры абсолютно каждого здорового молодого человека был хотя бы год срочной службы, мы бы многого добились – и не только в военной области. Тем паче, что, по заявлению главы Комитета Госдумы по обороне Виктора Заварзина, «только 25 процентов выпускников вузов работают по специальности, остальные пошли учиться для того, чтобы не служить в армии». Вот так из-за легального уклонения от конституционной обязанности выполнять ратный долг страна стремительно теряет специалистов, а нация в целом – мужество. И без призыва нам никак не обойтись. «Особенно с учетом того, – сказал В. Заварзин, – что с 1988 года отмечен резкий спад рождаемости мальчиков: если в 1987 году их родилось 1 миллион 250 тысяч, то в 1999-м – лишь 630 тысяч. Таким образом, к 2008 году

мужчин призывного возраста будет в несколько раз меньше, чем сегодня».

Резко высказался по злободневной проблеме писатель Борис Васильев. «В нашей армии существует болезненная язва, образовавшаяся вследствие того, что в силу необходимости (большие потери людского состава в начале Великой Отечественной войны) мы вынуждены были призывать юношей с 18 лет. Этот приказ действует и поныне, порождая так называемую дедовщину. А ведь было время, когда Россия, как и унаследовавшая ей Красная Армия, призывали в свои ряды молодых людей в 21 год, то есть по сути мужчин, уже осознавших себя таковыми. Парня в 21 год не заставишь мыть сортир зубной щеткой – он уже дорожит собственным достоинством и не боится никакой гауптвахты. Кроме того, в русской армии существовала традиция наставничества, когда старослужащий брал под свою опеку новобранца. Эту традицию необходимо вернуть, равно как и призыв с двадцати одного года при соблюдении различного рода льгот. Тогда сама собой исчезнет «дедовщина», а вместе с ней и повсеместная нелюбовь к армии... Почему в нашей армии столь малочислен состав младших командиров, я имею в виду сержантов, под командованием которых должно быть максимум пять, от силы – семь подчиненных. Так было в русской армии, где унтер-офицеры командовали взводами, а офицеры – полуротами».

Сумеем ли мы круто переменить ситуацию в пользу полного комплектования сержантского состава на контрактной основе? По статистике (а она у нас, увы, большей частью плачевная), «40 процентов рядового состава не рекомендуется для службы на должностях младших командиров, столько же неспособны выполнять служебные обязанности на стратегически важных объектах». А мы замахнулись на то, чтобы поднять профессионализм кадрового состава – всех без исключения специалистов. К тому же никто не отменял рутинную работу – несение внутренней и караульной службы. Тяжелы черновые армейские должности, и слишком велик соблазн легкой жизни. Хорошо полнокровному полку, где много подразделений и потому в наряды ходят не столь часто. А ведь есть сокращенные части, где, как говорится, через день – на ремень.

Чего понапрасну оглядываться на Запад – смотрите: нам пример показывает, стойте и падайте... Туркменистан. Вот какая информация была распространена по Интернету. «В 2002 году вышло постановление президента Ниязова о создании в вооруженных силах специализированных трудовых воинских соединений. Ежегодно в Туркмении призыву подлежит около 80 тыс. молодых людей, однако для укомплектования вооруженных сил необходимо только лишь 60 тыс. С 2003 года министерства и отраслевые ведомства стали получать фактически бесплатную рабочую силу, обеспечивая ее жильем и пропитанием. Военной подготовке «трудовых солдат» уделяется одна неделя в месяц, все остальное время они трудятся на благо государства. Согласно официальной точке зрения, подобного рода служба была введена для восстановления социальной справедливости, «чтобы никто, особенно дети чиновников и состоятельных родителей не остались в стороне». В октябре прошлого года Ниязов распорядился увеличить долю призывников в «трудовую армию»... В Туркмении уже созданы экспериментальные подсобные хозяйства при воинских частях,

а также специализированные воинские роты, где ведутся исключительно хозяйственные работы. Подкупает в данном случае то, что каждый начинает заниматься своим делом. Те, кто призван в боевые подразделения, – будут учиться военному делу, а хозрота будет обеспечивать остальных солдат всем необходимым. По крайней мере, государство говорит об этом открыто, а не лукавит, как в российских Вооруженных Силах, где солдат до обеда стреляет, а вечером отправляется с веником на плац, или все два года службы «пасет свиней», числясь боевым специалистом. Согласитесь: разумно поступают в бывшей братской республике. А мы все толчемся с иллюзорной альтернативой.

ВСЕ МЕНЬШЕ ТЕХ, КТО РВЕТСЯ В БОЙ

Много чего беспокоит думающих воинов: явная нехватка наисовременнейшей боевой техники, выработанный ресурс у штатных машин, малая заинтересованность личного состава в повышении квалификации (внушительное число высококлассных специалистов – лишь на бумаге)... Наконец, грустно от того, что люди военные зациклены на пустяках, больше озабочены показным, боязнью прогневить проверяющих недостаточным внешним лоском. Благостная документация и красочная наглядная агитация, начищенные берцы и значки во всю грудь – без них никак! Но ведь не это главное! Высоким смыслом служения должна быть наполнена вся армейская жизнь.

Никуда не уйти и от проблемы закрепления на сержантских должностях достойных людей, то есть вопроса стабильности кадрового состава. По большому счету речь идет о боевой готовности страны, переживающей один кризис за другим. Для того ведь и затевалась система комплектования по контракту, чтобы восполнить «новобранческие пустоты», которые в ближайшие годы грозят достичь своего апогея. Сумеем ли мы избежать худших последствий демографической катастрофы, испробовав последний ресурс? Пока что практика свидетельствует о том, что энное количество рядовых, сержантов и запасников подписывает контракт из чисто меркантильных соображений. Весьма немалое их число не скрывает своего намерения: побыстрее сорвать куш и распрощаться с армией навеки. Несравнимо меньше добровольцев, которые остаются из-за любви к военному ремеслу и патриотических чувств. Но ведь нельзя бесконечно эксплуатировать высокие порывы энтузиастов, не стимулируя их достойным вознаграждением, в первую очередь, материальным. Неужели трудно уразуметь старую истину: «Дорого, да мило, дешево, да гнило». В состоянии ли мы создать, так сказать, задел с гарантией – в смысле укомплектованности штатов? Трудно на это рассчитывать, пока сохраняется вопиюще низкая конкурентоспособность армейских структур в сравнении с солидными фирмами, особенно в крупнейших городах.

«Придворные» дивизии, не испытывающие особых трудностей с комплектованием штатов, – еще не показатель. На то и отборные части, что у них есть из чего выбирать. Полный переход на контракт вполне осуществим в... условиях наибольшего благоприятствования. В гарнизонах, находящихся в бедных регионах, сержантский ренессанс вряд ли возможен. Хотя бы уже по той причине, что эти самые области, многие дотационные, как раз и питают людскими ресурсами столицы, являясь донорами рабочей и, как видим, воинской силы.

Как бы мы себя ни успокаивали, а бить тревогу надо. Приниженное состояние Вооруженных Сил, неуважение и небрежение к званию защитника Отечества серьезно подрывают обороноспособность России, порождая неразрешимые проблемы.

Скептически настроенный офицер обронил: мы знаем, как умеют бесстрашно воевать солдаты срочной службы. А если в подразделении будут сплошь профессионалы, то я не уверен, что такое подразделение в полном составе станет выполнять задачу, чреватую потерями, – половина не пожелает рисковать жизнью. «Все меньше тех, кто рвется в бой! Готовых отсидеться – гораздо больше, ной – не ной, куда ж от правды деться?!»

Еще более весомые аргументы такого плана я нашел у военного писателя А. Баиова, уже цитированного мною. «При системе набора в армию воинов-профессионалов, воинов-наемников стимулом для службы в ней будет служить лишь определенная **материальная выгода** и вытекающий отсюда **юридический долг**; моральная идея высокого служения Отечеству будет или совершенно, или в значительной степени отсутствовать, а потому и сознания нравственного долга не будет. Это в значительной степени умалит духовную силу и духовную ценность армии со всеми вытекающими отсюда последствиями, что особенно неблагоприятно может сказаться в наиболее тяжелые моменты ее деятельности – в военное время, а тем более в современных, многодневных тяжелых боях... когда чувство самосохранения в человеке преодолевается лишь сознанием свято исполненного долга, вытекающего из любви к Родине, и убежденностью в нравственной необходимости жертвовать ей всем до жизни своей включительно».

В мотострелковом полку я был свидетелем, как офицер-психолог тестировала поочередно воинов, заступающих в караул. Не одного солдата озадачил следующий вопрос: «Вы оптимист или пессимист?» Кто-то просто задумывался, а кто-то просил разъяснить значение этих слов.

И я поймал себя на мысли, что тоже мучительно гадаю: как мне отнестись ко всему увиденному и услышанному? Смотреть ли на вещи мрачно или все-таки поверить, что будущее нас еще приятно удивит?

ПРИГОДИТСЯ ЛИ «БОЕВОЕ МЕТАНИЕ»?

«Когда бы вы ни скрестили мечи с противником, думай не о том, ударить его с силой или нет; думай просто о том, чтобы нанести удар и убить его».

Миямото Мусаси «Книга пяти колец»

С большим интересом прочитал статью А. Маматова и К. Воюшина «Нож – на нож. Меня не трожь!», вышедшую в сентябрьском номере журнала, и хотел бы высказать свои соображения.

В большинстве позиций я согласен с авторами. Хочу лишь сделать некоторые субъективные поправки и дополнения.

Что касается утерянной традиции носить с собой нож каждым мужчиной, думаю, не стоит по ней горевать.

Удержание ножа обратным хватом (лезвием от мизинца) также находит боевое применение

Во-первых, я считаю сильно преувеличенным уровень уличной преступности. Лично у меня к 33 годам ни разу не возникала потребность в применении на улице ножа. И это притом, что я не отсиживаюсь дома в темное время суток и никогда не прохожу мимо хулиганства и иных противоправных проявлений. Россия, слава богу, еще не ЮАР, а Выхино – не Гарлем.

Во-вторых, наличие ножа часто провоцирует потребность его применить где надо и не надо.

В-третьих, применение ножа даже для самообороны гарантирует судебное преследование, пусть и при явной необходимой обороне. Громкий суд над гражданкой, убившей своего насильника, – яркое тому подтверждение. Притом, что строго юридически она не убила нападавшего, а причинила телесное повреждение, повлекшее смерть. Причем без умысла на убийство. Еще один подтверждающий пример с курсантами приведен в самой статье. К тому же нож, по устоявшемуся стереотипу, относится к оружию маньяков и мясников. У компетентных органов всегда возникает вопрос: «На кой ты вообще его с собой носил? Наверняка что-то готовил».

Конечно, лучше сидеть в тюрьме, чем лежать в сырой земле. Но, думается, во многих случаях опасность парней, просящих прикурить, явно преувеличена.

Сомнителен тот тезис, что в уличной или бытовой драке кто-то задумывается об анатомии, биологии или соразмерности причиненных ранений. В условиях психотравмирующей ситуации действуют инстинкты, навыки (если они есть), психологическая готовность, случай. Школьная оценка по биологии роли не играет.

Согласен с тем положением, что преступники, даже имея численное преимущество, обходят стороной тех, в ком чувствуют хищника. Только человек не становится хищником, после того как положил нож в карман. Готовность и способность к жестким действиям вплоть до убийства – вот, что определяет хищника. Хотя наличие ножа, конечно, прибавляет уверенности почти любому его владельцу. Правда, не всегда обоснованную.

Теперь что касается ношения ножа. Есть разница между ношением ножа теми людьми, которые носят его «по долгу службы» и в повседневной жизни. В первом случае это сотрудники спецподразделений в боевой обстановке. Вторая категория «носителей» – это, так сказать, «гражданский» вариант, когда нож носит обычный человек. Именно «гражданский» вариант ношения описывается в статье А. Маматова и К. Воюшина. Разница между этими категориями существенная.

Первая разница – в самих ножах. Боевой нож почти всегда нарушает Закон РФ «Об оружии». «Гражданский» нож должен укладываться в рамки, установленные законодатель-

Вхождение вооруженных противников в близкий контакт может иметь непредсказуемые последствия

ством. Ношение боевого ножа практически всегда открытое. «Гражданский» вариант не должен афишироваться. Боевой вариант предполагает его применение, направленное на уничтожение противника, и не предполагает уголовного преследования.

При боевом ношении нож должен находиться в месте, из которого он легко извлекается ударной (в идеале и другой) рукой. Чтобы научиться быстрому выхватыванию, нужно долго тренироваться. В обычной мирной жизни обеспечить эти условия намного сложнее.

Во-первых, боевой нож гораздо удобней. Во-вторых, «гражданский» нож должен быть скрыт под одеждой, что затрудняет его извлечение. К боевому ножу такие требования не предъявляются. В-третьих, разнообразие «гражданской» одежды заставляет не только каждый раз прилаживать нож к новому «прикиду», но и тренировать выхватывание с деловым костюмом, спортивным костюмом, шортами и майкой, курткой, пальто и т.п. В-четвертых, у 99 человек из 100 на это не хватит ни терпения, ни мотивации.

И самое главное. 10 лет назад я купил газовый пистолет. Носил его везде с собой. Целых три месяца. Больше не ношу. Потому что все равно ничего не происходит. И это типичная ситуация. Ношение оружия создает неудобства. А возможность его применения в повседневной жизни исключительно низкая. Поэтому более разумным будет носить его только в тех обстоятельствах, когда вероятность его использования будет высока. В большинстве случаев такую развязку можно предвидеть, хотя теоретически «попасть в ситуацию» можно и вынося мусор.

Что касается боевого применения ножа, то тут я практически во всем согласен с авторами. Позволю себе немного дополнить сказанное.

Психологическая готовность к убийству человека является одним из главнейших условий ножевого боя. Я видел достаточно хороших спортсменов, которые не в состоянии были вне ринга выйти за рамки правил и встретить неограниченную агрессию. На моих глазах мастера спорта по боксу отправлялись в нокаут от ударов людей, не имеющих даже 3-го юношеского по домино.

Главной ошибкой вооруженных людей в ближнем бою является упование на оружие (любое) и пренебрежение другой техникой. Поэтому при ведении боя ножом не следует зацикливаться на нем. Ведите бой в свободной кикбоксерской (или какой вы привыкли) манере, «вплетая» нож в привычную технику. Хуже, если «привычной» техники нет вообще. В ножевом бою есть место ударам ногами, руками, головой. Только борьбе и броскам почти нет места – слишком опасно и непредсказуемо. Показательные выступления – не показатель. Реальность в большинстве случаев страшно далека от показухи.

В рамках статьи невозможно дать развернутую тактику и техническую характеристику ножевого боя. В двух словах ее можно разделить на «фехтование» и «круговой» бой. «Фехтование – уколы, выпады, отскоки. В основном это удел дилетантов. «Круговой» бой – непрерывная безостановочная работа, при которой стирается грань между атакой и защитой, а противника (противников) «затягивает» в водоворот, из которого целым уже не уходит никто. «Круговая» техника (именно она описывается в приведенной статье) гораздо эффективней «фехтования».

Как тренер и практик ножевого боя скажу, что освоение этой техники несложно. Необходимы резиновые учебные ножи, а лучше самодельные в виде алюминиевых обработанных полосок. Защитные средства – дело вкуса и наличия базовой подготовки. Ну и, конечно, тренер или напарник-энтузиаст. Научиться хорошо владеть ножом гораздо легче и быстрей, чем хорошо стрелять. И это притом, что хороших стрелков гораздо больше, чем хороших бойцов-«ножевиков».

Любителям зрелищ и эффектных рисовок необходимо избавиться от различных «выкрутасов» в бою. Перед девочками – пожалуйста. Но в драке все эти перегоны оружия между пальцами и перебросы из руки в руку закончатся потерей ножа.

Теперь несколько слов о метании ножей. Это достаточно зрелищное и эффектное действие. Однако следует признать, что в настоящее время оно находит применение только в кино и на показательных выступлениях. Почему? Потому что возможность его боевого применения близка к нулю и не стоит затраченных усилий. Впрочем, кто-то может иметь и другое мнение.

Для достижения мастерства, которое демонстрируется в кино (обычно путем монтажа и иных кинематографических «штучек»), требуется:

- бросать нож так, чтобы он втыкался, причем втыкался прямо;

Шея является самым открытым и уязвимым местом на теле противника

■ **Не все удары нужно блокировать. От некоторых лучше уйти**

• бросать нож так, чтобы он втыкался точно в цель;

• придавать броску необходимую скорость, то есть бросать с силой.

Для освоения всех этих пунктов нужно:

1. Привыкнуть к конкретному ножу и тренироваться только с ним. Только в кино герой берет первый попавшийся нож или иной острый предмет и метко метает его в цель. На самом деле даже тренированному «кидальщику» требуется «пристрелка» в виде нескольких попыток.

2. Тренировать метание на разные расстояния, фиксируя в своей памяти тонкости техники броска. После вычисления количества оборотов на каждый отрезок дистанции остается упорно тренироваться. Естественно, для правильного и точного попадания (и втыкания) необходимо иметь развитый глазомер и чувство дистанции.

3. Проводить регулярные тренировки. Нельзя освоить метание ножа раз и навсегда. Приобретенные навыки со временем теряются.

Вывод: освоение этой науки требует много времени и терпения, отличного чувства дистанции и привычку к конкретному ножу.

Когда может пригодиться боевое метание? Понятно, что для уничтожения живой силы противника. Кинематограф обычно обыгрывает темы бесшумного «снятия» часовых или поражения вооруженного противника в отсутствие возможности применить иное оружие (а порой и при наличии такой возможности).

Начнем с часового, которого пытаются бесшумно «снять» бойцы спецназа. Лучше всего его, конечно, ликвидировать ножом при близком контакте. Если есть возможность подобраться незаметно, смысла в броске нет вообще. Зачем его «снимать» именно ножом? Чтобы не поднимать шума. Такое попадание должно гарантировать полную невозможность жертвы к производству каких-либо действий или изданию звуков. Лучше всего такой результат обеспечивает мгновенная смерть. А для этого необходимо, чтобы жизненно важная зона не была ничем защищена, нож должен попасть точно в нее и с достаточной силой. Обычно в качестве такой зоны выбирается шея противника. Теперь добавим к такой сложной задаче следующие факторы:

1. Противник редко стоит на месте. Даже если он не движется, он шевелится, поворачивает голову и весь корпус, причем предугадать его последующие действия невозможно. А отклонение даже на несколько сантиметров сведет результат броска к минимуму. Если же противник будет только ранен, он сможет поднять шум или открыть стрельбу, сорвав все планы.

2. В большинстве случаев снятие часового происходит в условиях плохой видимости либо в полной темноте. Также броску могут мешать ветки, проволока и т.п.

3. Даже у тренированных спецназовцев такие акции вызывают душевное волнение, что сказывается на точности и правильности действий не самым лучшим образом.

И самое главное: зачем нужна вся эта возня, которая не дает гарантии результата и ставит операцию под угрозу срыва, если сейчас в наличии у любой разведывательной или диверсионной группы имеется несколько видов бесшумного оружия, которое обеспечивает и тишину, и точность, и убойную (пробивную) силу, и при необходимости многократность применения.

Метание ножа в схватке может иметь также ограниченное применение. Поразить вооруженного и, возможно, экипированного противника, находящегося в движении, броском ножа практически невозможно. Если противник безоружен — зачем в него кидаться ножами? Если он вооружен, а ты — нет, зачем выбрасывать единственное оружие.

Есть, правда, категория людей, для которых метание ножа (и не только) является какой-то особой потребностью. Тогда речь уже идет об искусстве, а не о драке. А это, как говорится, тема совсем другого разговора.

Геннадий Казачков.

От редакции. Автор статьи — бывший инструктор по боевой подготовке ОМОНа, обладатель черного пояса по карате.

■ **Уход с линии удара, выходы во фланг и в тыл противника, маневр – все это активно применяется в «круговой» манере ножевого боя**

ТАНК НА КОЛЕСАХ

Игорь МИХАЙЛОВ

Фото из архива «Солдата удачи»

В начале 1997 года информационные агентства, внимательно отслеживавшие ситуацию в Чеченской Республике, выдали «на-гора» сенсационную новость: недалеко от границы с Дагестаном были замечены новейшие российские бронетранспортеры БТР-90. Сказать честно, к тому, что у чеченских боевиков на вооружении состояли новейшие стрелковые комплексы, последние разработки российских и зарубежных оружейных КБ, выпущенные минимальными партиями, в то время как российские солдаты воевали оружием, которому было десятки лет от роду, мы как-то привыкли. Но, чтобы бандиты завладели только что появившейся боевой машиной нового поколения, не пошедшей еще в серию, – это был нонсенс! Странным было и другое: как-то тихо, без лишнего шума, информация по этой теме сошла на нет. Впрочем, мы не ставим своей целью отнимать хлеб у сотрудников ФСБ, это их дело – расследовать подобные факты. Нам же просто хочется констатировать простой и обнадеживающий факт: у России появилась новая машина, по своим возможностям намного превосходящая все, что было создано до этого в данном классе боевой техники.

Разработка нового бронетранспортера, получившего кодовое название «Росток», была завершена в Нижнем Новгороде в начале 90-х годов прошлого столетия. Машина получила индекс БТР-90 (ГАЗ-5923). Бронированный корпус для нового бэтээра изготовили в сентябре 1993 года в Челябинске, а уже в начале следующего года в Арзамасе собрали его опытный образец. После проведения государственных испытаний было принято решение о серийном выпуске новой боевой машины. Выполнение этой задачи поручили дочерней компании «ГАЗа» – ОАО «Арзамасский машиностроительный завод».

Почему же мы говорим о том, что новый БТР – это прорыв в будущее?

Начнем с главного – вооружения. В этом компоненте БТР-90 коренным образом отличается от своих предшественников. Главный атрибут всех предыдущих машин – крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый (КПВТ), размещенный в маленькой башне, – теперь в прошлом. На бэтээре появилось настоящее боевое отделение, в состав вооружения которого вошли 30-мм автоматическая пушка 2А42 с боекомплектом 500 снарядов, 7,62-мм пулемет Калашникова танковый (боекомплект 2.000 патронов), аналогичный сухопутному автоматический гранатомет АГ-17 с боекомплектом 400 выстрелов, а также противотанковый ракетный комплекс (ПТРК) «Конкурс» с четырьмя ракетами, наведение которых на цель осуществляется в полуавтоматическом режиме по проводу.

Наличие гранатомета позволяет бронетранспортеру делать то, что раньше было под силу только минометчикам и артиллеристам-гаубичникам: уничтожать живую силу противника на обратных скатах высот и в других местах, скрытых от взора стреляющих.

Учитывая довольно внушительные размеры нового бронетранспортера, его грузоподъемность (7 т), большой внутренний объем (12 куб. м), разработчики машины отмечают, что на него в случае необходимости можно установить 120-мм артиллерийское орудие, противотанковую пушку, миномет, зенитно-ракетные комплексы и другие виды вооружения.

Важная особенность вооружения БТР-90 – его стабилизированность в двух плоскостях: наводчик-оператор может вести точную стрельбу прямо в движении. Кстати, увеличенный размер башни позволил разместить в ней не только наводчика, но и командира, получившего круговой обзор, а также возможность в случае необходимости взять управление оружием на себя и поразить не замеченную оператором цель. «Рабочее место» командира оборудовано дневным прицелом 1П-13, прибором наблюдения и радиостанцией. У наводчика-оператора имеется комбинированный прицел БПКЗ-42, позволяющий вести уверенную стрельбу как днем, так и ночью.

Серьезно усиливают огневую мощь бронетранспортера и традиционные бойницы, расположенные по обоим бортам, через которые мотострелки могут вести огонь как из автоматов, так и из ручных пулеметов.

Имеющееся вооружение позволяет бэтээру уничтожать танки и живую силу противника на дальностях свыше 4 км, бронетехнику, а также вертолеты и легкие инженерные сооружения на дальностях 2,5 км. Именно благодаря мощи вооружения БТРу-90 дали меткое название: танк на колесах.

Как отмечают специалисты, комплект вооружения, установленный на БТР-90, можно рассматривать в качестве временного, поскольку есть мысли поставить на него разработанный Тульским КБ приборостроения для модернизации БМП-1 боевое отделение под

ТТХ ПТРК «Конкурс»

Дальность стрельбы, м	75–4.000
Средняя скорость полета на максимальную дальность, м/с	208
Габаритные размеры, мм	
– длина контейнера	1.260
– длина ракеты (с вышибной установкой)	1.165
– калибр ракеты	135
– размах крыльев	468
Боевая часть:	
– тип	кумулятивная
– вес, кг	2,7
– бронепробиваемость (под углом 60°), мм	250

названием «Кливер». А это – новая 30-мм пушка 2А72, 7,62-мм пулемет ПКМТ, новый ПТУР «Корнет» с четырьмя ракетами в боекомплекте. Это боевое отделение уже прошло испытания на БТР-80 и показало свою высокую эффективность. Весьма вероятно также появление на БТР-90 боевого отделения, заимствованного у БМП-3.

Что касается бронезащиты, то она значительно увеличена, причем как за счет утолщения бронелистов, из которых сварен корпус, так и за счет более рациональных углов их наклона. Благодаря этому экипаж машины стал надежно защищен от пуль крупнокалиберных пулеметов и осколков артиллерийских снарядов. А если учесть, что днище бронетранспортера имеет V-образную форму, то можно констатировать факт: и для мин этот «орешек» может оказаться не по зубам. Впрочем, этим разработчики бэтээра не ограничились. Они предусмотрели возможность установки дополнительного бронирования, а также систем пассивной и активной защиты.

БТР-90 оснащен многотопливным турбодизелем А-58 челябинского производства мощностью 510 л.с., который заимствован у боевой машины десанта БМД-3. Двигатель «всеяден»: он одинаково резв, и когда в баках залита солярка, и когда в трубопроводах течет керосин, и когда его нечем заправить кроме как бензином. К двигателю можно подобраться как изнутри, так и снаружи – через два люка моторно-трансмиссионного отделения. Оригинальная автоматическая гидромеханическая реверсивная коробка передач позволяет распределять поток мощности отдельно на колеса левого и правого борта. Более того, новый бэтээр способен осуществлять разворот «по-танковому», то есть практически на месте. Для полного разворота ему достаточно площадки радиусом 6 метров.

В БТР-90 применена новая торсионная подвеска. Шины с централизованной регулировкой давления позволяют развивать на шоссе скорость до 100 км/ч, а на пересеченной местности – до 50 км/ч. Благодаря большому наклону лобового бронелиста, бэтээр способен с ходу преодолевать препятствия высотой до полутора метров. На БТР установлены два водомета, позволяющие преодолевать водные преграды со скоростью 9 км/ч. Испытания в морских условиях показали, что машина способна плавать даже при волнении в 3 балла, а также свободно покидать десантный корабль и возвращаться на него.

Надо отметить и такое немаловажное для боя качество новой машины: она может двигаться даже в том случае, если четыре колеса – по два с каждого борта – окажутся поврежденными.

БТР способен действовать в весьма жестких и экстремальных условиях. Он оснащен системой противорадиационной защиты, а также защищает экипаж и десант от бактериологического оружия и химических веществ. В экспортных вариантах и при действиях в условиях высоких температур предусмотрено оснащение бэтээра системой кондиционирования воздуха.

БТР-90 – первый из отечественных бронетранспортеров, который планируется оснащать бортовой информационно-управляющей системой (БИУС), позволяющей не только управлять двигателем и трансмиссией в автоматизированном режиме, но и диагностировать основные жизненно важные системы машины.

Высокие характеристики новейшего российского бронетранспортера вызвали вполне оправданный интерес за рубежом. Сообщалось о том, что машиной заинтересовались представители Соединенных Штатов Америки, Южно-Африканской Республики и некоторых других стран. Специалисты из ЮАР, в частности, помимо остальных достоинств БТР-90, отметили его энерговооруженность, высокую маневренность, большой (более 500 мм) клиренс машины, что позволяет активно эксплуатировать ее в горных условиях на высотах более 3.000 метров.

Однако, несмотря на все свои достоинства, БТР-90 имеет один существенный недостаток. «В такую тушу промахнуться трудно. Мечта гранатометчика...» – так отреагировали на одном из специализированных интернет-сайтов на информацию о начале серийного производства бронетранспортера. И это действительно так. «Хотя БТР-90 выигрывает у своих предшественников по ходовым качествам, защите и вооружению, – отмечают специалисты, – он не стал компактнее».

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БТР-90

Колесная формула	8x8
Полная масса, кг	20.920
Боевой расчет, чел.	10
Двигатель	многотопливный дизель жидкостного охлаждения с турбонаддувом
Мощность двигателя, кВт (л.с.)	368(510)
Радиус поворота, м:	
за счет управляемых колес	12
с бортовым поворотом	6
Максимальная скорость движения, км/ч:	
по шоссе	100
на плаву	9
Запас хода по топливу по шоссе, км	800
Вооружение, калибр, мм:	
пушка 2А42	30
пулемет ПКТ	7,62
гранатомет АГ-17	30
Углы наведения, град.:	
по вертикали	-5...+75
по горизонтали	360
Боекомплект выстрелов:	
пушки	500
пулемета	2.000
гранатомета	400

СТРЕЛЯЮЩИЙ «ПОРТСИГАР»

Так можно назвать личное оружие ТКБ-506А для бесшумной и беспламенной стрельбы, состоящее из специального патрона СП-2 и трехзарядного стреляющего устройства, замаскированного под портсигар.

История создания оружия относится к 1953 году, когда ведущим конструктором Тульского ЦКБ-14 Игорем Яковлевичем Стечкиным (1922–2001) в инициативном порядке был разработан патрон, основанный на принципе так называемой отсечки пороховых газов.

Принцип заключается в том, что специальная длинная пуля выталкивается из гильзы бутылочного типа поддоном, который не вылетает вслед за пулей, а останавливается, упираясь в скат гильзы. Таким образом, пламя и звук как бы остаются «закупоренными в гильзе».

Стреляющее устройство и патрон в комплексе были защищены авторским свидетельством № 15840 с приоритетом от 15 декабря 1954 г. Автором изобретения там указан И.Я. Стечкин.

Первые образцы СП-2 изготовил лично Стечкин на базе заготовки гильзы патрона образца 1943 года до операции формирования ската. Заготовки гильз с наружным диаметром 11,35 мм продавливались через матрицу, уменьшавшую наружный диаметр гильзы до 10,5 мм. После постановки капсюля в гильзу засыпался заряд и вкладывался штампованный из алюминиевого сплава поддон. После этого дульце гильзы обжималось и вставлялась пуля. Она изготавливалась из заготовки оболочки пули патрона пистолета ТТ длиной 18 мм, в которую запрессовывались стальной сердечник в свинцовой рубашке и хвостовик из алюминиевого сплава. Общая длина пули составляла 31 мм. В собранном патроне хвостовик опирался на поддон. Длина гильзы 34,8 мм, патрона – 42 мм. Калибр пули, весившей 6 г, – 7,62 мм.

Лабораторная проверка экспериментальных образцов патронов СП-2 в ЦКБ-14 подтвердила жизнеспособность идеи. Дальнейшие работы над СП-2 и оружием к нему проводились уже по госбюджетной теме и ТТЗ, утвержденным заказчиком, проявившим интерес к этому изобретению.

В некоторых отечественных источниках (журнал «Калашников» № 5/98) ошибочно указывается, что патрон СП-2 создан в НИИ-61. В действительности в НИИ-61 профессиональным специалистом патронного производства, старшим инженером Ираидой Губель, была проведена технологическая отработка серийного производства патрона и разработаны его производственные чертежи. Там же под ее руководством была выпущена первая производственная серия патронов СП-2.

При контрольных проверках серийной продукции патроны СП-2 отстреливались из жестко закрепленного баллистического ствола с длиной нарезной части 26 мм группами по 20 выстрелов, при этом начальная скорость находилась в пределах 170 – 180 м/с. Патроны последующих заводских серий имели несколько меньшую скорость.

При стрельбе со станка на дистанции 15 м разброс попаданий составлял: R50 – 4 см, R100 – 10см. Пробивное действие пули проверялось стрельбой по пакету из пяти сухих сосновых дюймовых досок на дистанции 5 метров. При этом гарантировалось пробитие четырех из них.

Параллельно с отработкой патрона в ЦКБ-14 И.Я. Стечкиным было создано специальное оружие. Первый образец трехзарядного оружия, получивший индекс ТКБ-506, по внешнему виду и габаритам соответствовал металлическому портсигару и отличался от последнего лишь наличием сквозного окна со спусковым крючком и тремя отверстиями на переднем торце для выхода пуль.

Второй образец – ТКБ-506А внешне полностью соответствовал портсигару. На крышках некоторых экземпляров была даже нанесена художественная гравировка. Стрельба из него велась нажатием кнопки, которая в обычном портсигаре выполняет функции защелки крышки.

Крышка ТКБ-506А открывается после нажатия на малозаметную защелку на переднем торце устройства. После раскрытия крышки могут быть проведены операции заряжания устройства и взведение трех отдельных ударных механизмов. Снаряженный тремя патронами «портсигар» весил 0,465 кг при габаритах 108x74x19 мм.

Для ведения огня необходимо, обхватив ладонью «портсигар», направить его на объект, большим пальцем сдвинуть назад спусковую кнопку и нажать на нее. Звук выстрела напоминает обычный щелчок, например по столу.

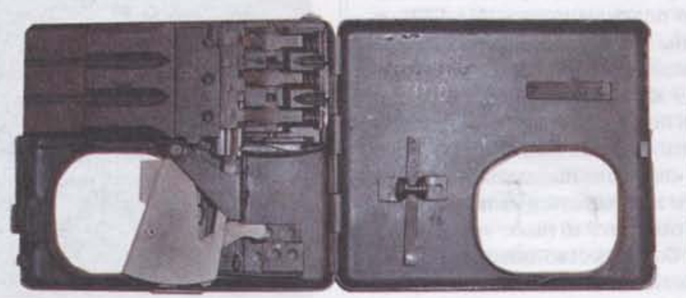
Следует обратить внимание на то, что предохранителем, запирающим спусковой крючок на ТКБ-506А, является как бы дополнительный небольшой спусковой крючок. Ошибочно считают, что такого рода предохранитель впервые появился на пистолетах «Глок-17». Сейчас он встречается на ряде пистолетов, включая и отечественный ГШ-18. На самом же деле впервые ввел его Стечкин на ТКБ-506А, но брать на него авторское свидетельство не стал, считая это мелочью.

В дальнейшем идея патрона СП-2 И.Я. Стечкина была использована конструкторами боеприпасного отдела НИИ-61 И. Касьяновым и В. Петровым при разработке ими нескольких видов более мощных подобных боеприпасов.

Иван Климовский.

Основные характеристики комплекса ТКБ-506

Калибр по полям нарезов, мм	7,62
Число патронов, шт	3
Вес с патронами, кг	0,465
Длина образца, мм	108
Высота, мм	74
Ширина, мм	19
Длина патрона, мм	42
Вес пули, г	6,2
Начальная скорость пули, м/с	170

ЖЕСТОКИЙ ОТБОР

проходят кандидаты в испанские командос

Владимир МОСАЛЁВ
Вадим УШАКОВ
Фото из архива авторов

Как и во многих других странах, силы специальных операций армии Испании имеются в сухопутных войсках, ВМС и ВВС. Кроме того, небольшие подразделения командос есть в полицейских силах.

В сухопутных войсках спецназовцы находятся в составе Испанского иностранного легиона (ИИЛ), который является частью испанских сил быстрого реагирования, а также в трех группах специальных операций и двух отдельных командах.

Испанский иностранный легион (Tercio De Extraueros) был создан в 1920 году. В отличие от французского, набор в который производится в основном из граждан других стран, ИИЛ только формально можно назвать иностранным, поскольку он на протяжении всей истории существования состоял в основном из испанских граждан, а иностранцев в нем было всего лишь около 20 процентов. В настоящее время почти все волонтеры легиона набираются из жителей Испании. Попасть служить в ИИЛ довольно просто – достаточно обратиться за помощью к любому офицеру полиции, который подскажет адрес призывного пункта, где прибывшему сразу покажут фильм о жизни легиона и проведут собеседование. После этого кандидат в легионеры решает сам, действительно ли ему необходимо служить в легионе, и при согласии подписывает контракт. Затем рекрут направляется в учебный центр легиона в Ронда, где проходит жестокий процесс отбора. Сегодняшний легион не для слабых. Тренировки очень грубые и в наказание обучающиеся подвергаются жестоким избиениям инструкторами. Процесс обучения удивительно краток и занимает всего лишь 3-4 месяца. Рекруты подписывают 3-годичный контракт, который разорвать также трудно, как контракт Французского иностранного легиона. Жестокое обучение и тяжелейшие марши, как считают, делают настоящих солдат. Этот боевой курс является одним из самых трудных в мире. При его прохождении рекруты постоянно подвергаются грубому обращению, побоям и другим наказаниям, действуют в условиях применения по ним боевого оружия, когда стреляют под

ноги и над головами. Если в ходе этого курса рекрут не погиб или не получил ранения, то говорят, что ему «крупно повезло».

ИИЛ насчитывает приблизительно 7-8 тыс. человек, причем в нем служат только мужчины. В состав легиона входят четыре полка (Tercios), каждый из которых состоит из четырех батальонов (Banderas). Один из этих полков (4 Tercio Alejandro Farnesio) предназначен для проведения специальных операций и базируется в Ронда. Этот полк включает два батальона: парашютный и оперативный (BOEL), который одно время обозначался сокращенно OLEU. Батальон BOEL (Banderas de Operaciones Especiales) насчитывает 500 человек личного состава и делится на три оперативных команды (COE 1, 2, 3).

Личный состав батальона готовится для действий на море (в том числе с использованием легководолазного снаряжения), в горах и Арктике, для проведения диверсий и взрывных работ, обучается прыжкам с парашютом (в том числе с больших высот с задержкой раскрытия парашюта), ведению глубинной разведки, контртеррористическим операциям, снайперскому делу, поиску и спасению, использованию легких боевых машин.

Батальон BOEL вооружен в основном тем же оружием, что и весь легион: 5,56-мм винтовки CETME, 9-мм автоматы «Star» и пистолеты, 7,62-мм пулеметы «Ameli» и 40-мм гранатометы. В качестве легких боевых машин используются машины типа «Лэнд-Ровер», «Хаммер», «BMR 600», «Нисан» и другие автомашины американского и английского производства.

Солдаты ИИЛ носят такую же камуфлированную форму, как и другие силы испанской армии, и только красная кисточка на головном уборе отличает их от других военнослужащих.

Группы специальных операций (GOE-Grupos de Operaciones Especiales) базируются: GOE II – в Гранаде (состоит из двух команд – COE 21 и COE 22), GOE III – в Аликанте (в составе COE 31 и COE 32), GOE IV – в Барселоне (в составе COE 41 и COE 42). Две отдельные команды специальных операций базируются: COE 81 – в Санта Круз де Танарифе, COE 82 – в Лас Палмас.

Силы специальных операций ВМС входят в состав морской пехоты (TEAR – Infanteria de Marina's Tescio de Armade) и известны как отряд специальных операций (UOE – Unidad de Operaciones Especiales). Отряд подчинен непосредственно испанскому адмиралтейству. Согласно официальным документам основной задачей UOE является «выполнение глубинной специальной разведки и наступательных прямых боевых действий против важных стратегических и сильно укрепленных объектов». Некоторыми из многочисленных задач, выполняемых подразделениями UOE, являются: дальняя разведка до задействования основных сил, сбор разведывательной информации, наблюдение, целеуказание и передовое управление артиллерийским огнем, нарушение вражеских линий связи, прямые боевые действия (нанесение ударов, рейды, морские блокадные операции и захват кораблей), операции по спасению людей на море, а также поиск и спасение экипажей летательных аппаратов, сбитых в тылу противника.

Отряд UOE был сформирован в 1952 году как штурмовая амфибийная рота, полностью состоящая из добровольцев и предназначенная для внезапных ударов в первых бросках морских десантов при захвате любых береговых целей. Отряд специализируется в проведении боевых действий против сильно укрепленных объектов системы береговой обороны и захвата территориально труднодоступных целей.

После изучения характера использования аналогичных подразделений стран НАТО испанцы пришли к выводу, что необходимо расширить оперативные возможности UOE и создать отряд, способный выполнять широкий круг задач обычных и специальных боевых действий. В 1967 году, учитывая руководства подводных диверсантов SEAL ВМС США и британской SBS, перед отрядом UOE были поставлены новые задачи, включавшие проведение подводных взрывов, воздушную высадку и нанесение прямых диверсионных ударов.

Первое оперативное крещение отряд получил в 1969 году, когда возглавил эвакуацию испанских подданных из бывшей испанской колонии Экваториальной Гвинеи. В 1985 году подразделение было переименовано в амфибийный специальный отряд командос (COMANFES – Comando Anfibio Especial), однако в 1990-х годах ему было возвращено прежнее название UOE.

Отряд UOE активно использовался против террористической организации ETA внутри Испании, в бывшей Югославии как часть испанского контингента IFOR и SFOR при выполнении задач как испанского, так и объединенного командования.

Отряд UOE базируется в Сан-Фернандо и насчитывает 169 человек личного состава. Командир отряда имеет звание подполковник, а его заместитель – майор. Отряд включает небольшую штабную секцию и четыре взвода (Stol): командный и обслуживания, два специальных операций и боевых пловцов. Командиры взводов имеют звание капитан.

Взвод командный и обслуживания отвечает за ежедневные операции, материальное и медицинское обеспечение, связь и т.п., а также за оперативный отбор и учебные курсы для вновь назначенного в отряд личного состава. Взвод специальных операций включает 34 человека и делится на два дивизиона по 16 человек в каждом и командный элемент, состоящий из двух человек. Дивизионы специальных операций состоят из команд по четыре человека, предназначенных для выполнения воздушной высадки, прямых боевых действий и ведения разведки. Взвод боевых пловцов специализируется в использовании легководолазного снаряжения, малых плавсредств и выполняет задачи разведки в морских десантных операциях.

Кандидаты в операторы отряда UOE набираются из опытного личного состава морской пехоты, который прослужил не менее одного года в оперативном отряде морской пехоты. Строгий отбор преследует цель отсеять тех, кто не удовлетворяет требуемым стандартам отряда. Кандидаты подвергаются ряду испытаний по проверке физических и умственных способностей. В ходе этого отбора на них оказывается давление на пределе их физических возможностей.

Тренировки кандидатов в отряд UOE преследуют цель оценить, как спецназовцы выполняют задачи под огнем, словесными оскорблениями, интенсивными физическими нагрузками, их выносливость на маршах на большие расстояния с тяжелыми рюкзаками, реакцию на любые события и вводные. Проводимые тренировки с использованием огневых средств имеют целью выявить, не поддаются ли тренирующиеся панике или нерешительности в критические моменты боя. Во время наиболее интенсивной фазы отбора кандидаты проходят три длительных испытания на выживание, в ходе которых отсеивается наибольшее число кандидатов. В случае успешного завершения отбора обучающиеся переходят к оперативным тренировкам. Прежде всего, они направляются в парашютную школу, где получают базовые знания по парашютным операциям, после чего возвращаются в отряд UOE и совершают несколько парашютных прыжков на воду, в том числе в открытом океане. Далее проводится изучение базового мастерства командос: тактика проникновения в тыл противника по суше и с моря (вплавь, на десантно-высадочных средствах и с подводных лодок), рейды, засады, управление малыми катерами и десантирование, рукопашный бой без оружия и с использованием холодного оружия, чтение карт и наземная навигация, выживание в воде, боевая медицина, высадка с вертолета и самолета, быстрый спуск и подъем на тросах и др. Успешно закончившие эту фазу приобретают более специализированные навыки, в том числе технологию гидрографических исследований, лазерного наведения на цели, передового управления артиллерийской стрельбой, скалолазания и боевых действий в горах, обучаются основам поиска и спасения заложников. В ходе этой фазы проводятся также парашютирование с больших высот с задержкой и без задержки раскрытия парашюта, прыжки с малых высот, боевые подводные погружения, снайперские стрельбы, практически отрабатываются вопросы применения взрывчатых веществ. Офицеры и сержанты в дополнение к этим тренировкам проходят также обучение на армейских командных курсах специальных операций. Кроме тренировок и проведения учений с другими подразделениями морской пехоты, личный состав UOE взаимодействует с противотеррористическими и специальными подразделениями, такими как GEO национальной полиции, GAR и UEI национальной гвардии, а также подразделениями UEBC ВМС, EZAPAC ВВС и PRP армии.

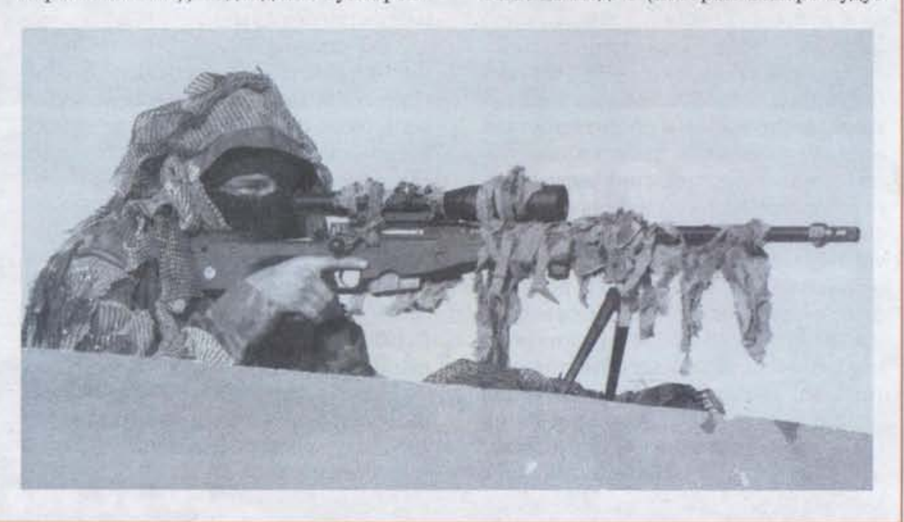
Отряд UOE регулярно проводит учения с зарубежными подразделениями сил специальных операций, такими как SEAL ВМС США, португальскими DAE, итальянскими COMSUBIN, французскими «Commandos Marine» и «Commando Hubert».

Для обеспечения деятельности отряда UOE широко привлекаются испанские военные надводные корабли, подводные лодки и авиация. Для высадки разведывательно-диверсионных групп отряда используются сверхмалые подводные лодки («Foca», «Tiburon»), подводные средства движения (открытого типа SLC серия 2, «Maialis» и закрытого типа «Humeda» серии MEDAS), подводные буксировщики, надувные лодки типа «Zodiak» и двухместные кайаки типа «Klepper».

Для связи используются УКВ- и КВ-радиостанции, а для навигации – приемники «Magellan» и «Slugger» спутниковой навигации GPS.

Для подводных погружений имеется стандартное легководолазное снаряжение с костюмами «мокрого» и «сухого» типа. В отряде используются лазерные целеуказатели для наведения на цели самолетов ВМС Испании.

Вооружение отряда UOE включает как отечественное, так и зарубежное оружие, в том числе: 9-мм пистолеты «Llania 82B» с лазерным прицеливанием и глушителем, 5,56-мм винтовки CETME мод. 1 (которые вскоре будут

заменены на 5,56-мм HK G-36), 9-мм пистолеты-пулеметы «Patchett/Sterling» MK.5 с глушителем, модернизированные для лазерного наведения, 7,62-мм снайперские винтовки «Mauser SP66», легкие 5,56-мм пулеметы «Ameli» местного производства и 7,62-мм американские пулеметы M-60 GPMG. Кроме того, в отряде имеются различные кинжалы «Commando» местного производства.

Силы специальных операций ВВС представлены небольшой, но хорошо подготовленной элитной группой, известной как парашютная инженерная/саперная эскадрилья (Eskadrilla de Zapadores Paracaidistas, сокращенно EZAPAC). Эскадрилья ротного состава численностью около 300 человек подготовлена для выполнения следующих задач: выбор и обозначение зон посадки авиации и высадки воздушных десантов, проведение визуального и электронного управления с земли своей авиацией, передовое воздушное управление и наведение истребительной авиации с земли, сбор и передача разведывательных данных с территории противника, обнаружение и уничтожение авианавигационных объектов противника, усиление эскадрильи EADA (Escadrilla de Apoya al Despliegue Aero), обеспечение дополнительной охраны объектов ВВС, обеспечение боевого поиска и спасения экипажей сбитой в тылу противника авиации, обучение пилотов ВВС и ВМС навыкам выживания и уклонения от плена.

Эскадрилья EZAPAC, действующая под непосредственным управлением сил реагирования ВВС, делится на несколько секций, каждая из которых специализируется на выполнении специфических задач. Подразделение полностью авиатранспортабельно, весь личный состав имеет парашютную подготовку, и многие из его операторов способны десантироваться с малых высот и с больших высот с задержкой раскрытия парашюта.

Эскадрилья EZAPAC была сформирована как 1-й батальон ВДВ ВВС (Primera Bandera de Tropas de Aviacion del Ejercito del Aire) по типу немецких парашютных боевых групп, имевших большой успех в период Второй мировой войны. Подготовка подразделений батальона производилась на аэродромах Four Winds и Culvert, а первый парашютный прыжок был совершен в сентябре 1948 года в Alcala de Henares. В 1952 году батальон был перебазирован на его операционную базу в Alcala de Henares. Начиная с 1957 года батальон участвовал в ряде конфликтов и в 1958 году прибыл на свою новую базу в Madrilenian.

9 сентября 1965 года батальон был переформирован и получил свое теперешнее название Escadrilla de Zapadores Paracaidistas – EZAPAC, унаследовав задачи прежнего подразделения, его личный состав, материальную часть и вооружение. В дальнейшем эскадрилья была преобразована и перешла под оперативное управление штаба тактической авиации, а затем передислоцировалась в Murcia.

Между 1971 и 1974 годами эскадрилья была передислоцирована в Cobut, но из-за материально-технических проблем опять вернулась в Murcia.

В 1975 году эскадрилья использовалась на Канарских островах во время эвакуации испанцев из Испанской Сахары. В 1989 году EZAPAC действовала в Намибии в составе миротворческих сил ООН, находившихся в этой стране, обеспечивая охрану подразделения ВВС Испании, перевозившего грузы гуманитарной помощи беженцам. С августа 1993 года эскадрилья поддерживала операции IFOR и SFOR НАТО в Боснии. Вместе с другими функциями команды эскадрильи на Балканах обеспечивали деятельность постов тактического управления авиацией. Между сентябрем 1994 и апрелем 1995 года подразделения EZAPAC использовались в ходе кровопролитной гражданской войны в Руанде. Личный состав эскадрильи обеспечивал эскортирование грузовых самолетов, поставлявших грузы гуманитарной помощи, и поиск местонахождения лагерей беженцев, разбросанных по окраинам страны.

Подготовка вновь прибывающего в эскадрилью EZAPAC личного состава осуществляется в течение четырех лет и начинается в школе парашютирования. Обучающиеся должны усвоить серию основных задач, таких как выживание, связь, первая помощь, скрытное проникновение и других. Кроме того, они совершенствуют парашютную подготовку, изучают способы передового воздушного наведения, управления воздушным движением и выполнения других задач с использованием наведения. После окончания базового курса подготовки новым операторам вручаются зеленые береты сил специальных операций Испании, и они назначаются в оперативную команду, где продолжают специализированную подготовку, повышая свое боевое мастерство.

Эскадрилья EZAPAC регулярно участвует в тренировочных учениях с аналогичными подразделениями стран НАТО, такими как американские команды специальной тактики, французские «Commando de l Air» и португальские RESCOM CSAR.